

У КАРТЫ ТИХОГО ОКЕАНА

Информационно-аналитический бюллетень №15 (213)

Стратегия национальной безопасности РФ в контексте обеспечения безопасности Тихоокеанской России»

Материалы «круглого стола» от 23 апреля 2010 г.

Отдел изучения международных отношений
и проблем безопасности
ИИАЭ ДВО РАН

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока продолжает выпуск информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана». Бюллетень издавался с 1974 по 1991 гг.

Цель издания: научно-информационное обеспечение мероприятий правительства РФ и региональных властей Дальнего Востока по интеграции России в АТР и подготовке к саммиту АТЭС во Владивостоке в 2012 г.

Структура, периодичность выхода и содержание бюллетеня будут меняться в зависимости от насыщенности, значимости и ориентации текущих событий в регионе.

Главными принципами подбора и публикации материалов в бюллетене являются:

- оперативность в освещении событий;
- достоверность информации;
- ориентация не на описание прошедших событий, а на оценку, их влияние на будущее и прогноз развития ситуации;
- практическая значимость.

Бюллетень распространяется по подписке в бумажном и электронном вариантах. С электронной версией издания можно ознакомиться на сайте <http://www.ihaefe.org>

При использовании материалов бюллетеня ссылка на него обязательна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В.Л. Ларин (главный редактор), А.П. Герасименко, В.В. Кожевников, С.К. Песцов, И.А. Толстокулаков, С.А. Иванов (ответственный секретарь)

Подписано к печати 02.06.2010 г.

Формат 60x84/16.

690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская 89, к.26,

тел. (4232) 26-80-54,

e-mail: ihae@eastnet.febras.ru

Ларин В.Л.¹

КОНЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ: ПЛЮСЫ, МИНУСЫ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сегодня у нас, вопреки традиции, достаточно большое количество запланированных выступлений. Но тема такова, что она требует посмотреть на проблему под разными углами зрения, с позиции всех представленных в регионе государств. Это мы и попробуем сделать.

Предварительно мне хотелось бы сделать несколько общих замечаний, связанных как с обсуждаемым предметом, так и с самим понятием «национальная безопасность».

Начну со второго. Национальная безопасность – предмет горячих споров специалистов всех уровней. В традиционных (геополитических) измерениях под национальной безопасностью понимается прежде всего физическое выживание государства, защита и сохранение его суверенитета и территориальной целостности, способность адекватно реагировать на любые реальные и потенциальные внешние угрозы.

Национальная безопасность в более широком смысле – это определенный уровень защищенности страны, ее устойчивость перед негативным воздействием политических, экономических, военных, экологических и других факторов как внутри страны, так и извне. В ее основе – территориальная целостность и стабильность государства и общества, благополучие и возможности для дальнейшего развития нации.

Поскольку сам термин «национальная безопасность» впервые был употреблен в американских работах по политологии и наиболее активно разрабатывался именно в США, то закономерным является заметное американское влияние на трактовку понятия. В американском понимании национальная безопасность охватывает ключевые аспекты экономической, внешней и военной политики государства,

¹ Ларин Виктор Лаврентьевич, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, доктор исторических наук, профессор

должны обеспечить защиту и реализацию национальных интересов внутри и вне страны.

Важно отметить также существование различий между понятиями *концепция* и *стратегия* национальной безопасности.

Концепция национальной безопасности – это в первую очередь философское видение позиции страны в системе глобальной политики. В методологическом плане концепция национальной безопасности должна теоретически обосновывать пути достижения наиболее предпочтительного места страны в системе глобальной безопасности на основе строгого учета ее интересов и возможностей в тот или иной исторический период.

То, что часто отождествляется со стратегией национальной безопасности, является, по существу, тактическим видением предпочтительных вариантов обеспечения интересов страны на перспективу от одного года до нескольких лет. Фактически в этом случае речь идет об обосновании конкретного политического курса. О стратегии национальной безопасности можно говорить только тогда, когда имеет место последовательность и преемственность различных этапов политики в рамках одного курса на протяжении длительного периода.²

Концепция национальной безопасности представляет собой производную от концепции национальных интересов, а в более широком смысле – от общего видения руководства того или иного государства его места в мировом сообществе. Так, концепция (стратегия) национальной безопасности США является, по существу, теоретической основой американской внешней политики. Эта концепция вырабатывается общими усилиями правящей политической элиты США и широким кругом ученых и отражает в концентрированном виде взгляды на сущность, содержание и пути обеспечения (защиты) национальных интересов государства.³

Первостепенная задача любой концепции национальной безопасности – определение и разработка приоритетных направлений и

² Кривохижа В.И. Некоторые методологические основы выработки концепции национальной безопасности России // Внешняя политика и безопасность современной России. Хрестоматия. Т. 1. Кн. 1. М., 1999. С. 319.

³ Там же. С. 328.

средств предотвращения прежде всего крайних форм внешней и внутренней угроз – войны с другими государствами и гражданской войны.

Нормативная концепция обеспечения национальной безопасности разработана достаточно хорошо. Ее основное содержание:

- защита единства и целостности государства;
- проведение дальновидной демографической и экологической политики;
- обеспечение эффективности национальной экономики;
- социально-политическое и культурное самоопределение;
- положение и престиж государства в мире;
- стратегически продуманная внешнеполитическая активность.

Ясно, что все это лишь идеал национальной безопасности. От нормативно-идеальной до реальной картины жизни, т.е. национальной безопасности – дистанция огромного размера.

В последние 10 лет в России приняты два базовых документа, нацеленных на формирование среды для обеспечения национальной безопасности страны. Первый – *«Концепция национальной безопасности Российской Федерации»* (утверждена Указом президента РФ № 24 от 10 января 2000 г.). Второй – *«Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»* (утверждена Указом президента РФ № 537 от 12 мая 2009 г.). Второй документ должен рассматриваться как официально утвержденная система стратегических приоритетов, целей и мер в области внутренней и внешней политики, определяющих состояние национальной безопасности и уровень устойчивого развития государства на долгосрочную перспективу.

Как же эта система приоритетов экстраполируется на восточные районы России и Азиатско-Тихоокеанский регион в целом?

Только несколько замечаний, которые, надеюсь, получат дальнейшее развитие в сегодняшнем обсуждении.

1. Безопасность на востоке как приоритет не обозначена. Стратегия ориентирована на Европу и Атлантику. В числе выделенных географических приоритетов – СНГ, ЕС, США, НАТО. В документе отсутствует даже упоминание Азиатско-тихоокеанского региона.

2. Безопасность на востоке фигурирует через призму общих угроз национальной безопасности России, как внешних, так и внутренних.
3. Акцент в концепции сделан на экономику: «В интересах национальной безопасности в среднесрочной перспективе» предусмотрено «решение стратегических задач развития экономики и завершение формирования базовой транспортной, энергетической, информационной и военной инфраструктуры, особенно в Арктической зоне, Восточной Сибири и на Дальнем Востоке».

Сразу хотелось бы выделить некоторые плюсы и минусы этой стратегии. Сначала плюсы:

1. *Стратегия* – это попытка положить конец дебатам, развернувшимся в России по вопросу о месте России в мире и модели ее будущего развития. Она представляет собой определенный консенсус, достигнутый в правящей элите по этим вопросам.
2. Документ демонстрирует перечень стратегических приоритетов России и дает представление о ее общем стратегическом позиционировании в мире.
3. Окружающему миру *Стратегия* дает возможность понять, как Россия представляет себя в окружающем мире и планирует свое развитие. Это – декларация стабильности и последовательности курса, которым Россия собирается идти внутри страны и на международной арене. Чтобы «умом можно было Россию понять...»

Минусы.

1. Слишком обширный период, который охватывает *Стратегия* – до 2020 г. США, например, обновляют свою стратегию ежегодно.
2. Отсюда – расплывчатость и декларативность *Стратегии*. Она включает не только внешнюю, но и внутреннюю безопасность, содержит в себе широкий перечень второстепенных по значимости политических заявлений, скорее,

деклараций о намерениях в сфере обороны, безопасности, экономики, культуры, науки и т.д., чем обозначения конкретных действий и шагов. При этом приоритетные направления не обозначены.

3. *Стратегия* совершенно не учитывает громадные внешние и внутренние экономические риски, и экономический кризис это показал.

Итак, это скорее не стратегия, а концепция, которая требует постоянной корректировки и уточнения. В том числе реальных угроз на всех направлениях, включая тихоокеанское.

Для этого мы сегодня и собрались. Что, как, почему, откуда угрожает интересам и безопасности России на Востоке – тема нашего обсуждения.

Первый взгляд – со стороны США. Слово – С.В.Севастьянову.

РОССИЯ В КОНЦЕПЦИЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США

Прежде чем приступить к обсуждению данной темы, целесообразно вспомнить контекст, характеризовавший российско-американские отношения за последнее десятилетие. В период нахождения у власти администрации республиканцев, когда президентом был Д.Буш-младший, США практически постоянно находились в состоянии кризиса (расширение НАТО на Восток, выход США из Договора по ПРО, планы по созданию третьего стратегического района ПРО в Чехии и Польше, и т.д.).

Одним из следствий этого стала известная речь Президента РФ В. Путина в Мюнхене в феврале 2007 г., в которой он предпринял попытку донести до американцев своё видение происходивших событий (Россия оценивала эти действия в контргегемонистическом ключе, а не как стремление продвигать демократию или защититься от будущих ракетных угроз со стороны Ирана и КНДР, как представляли свои инициативы США). Дальнейшее обострение взаимоотношений между РФ и США последовало летом 2008 г. после войны в Южной Осетии.

Сложившееся положение не устраивало оба государства, и с приходом к власти демократической администрации президента Б. Обамы со стороны США прозвучал призыв к «перезагрузке» российско-американских отношений, который был благожелательно встречен российской стороной. В декабре 2009 г. Россию посетил генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен, высказавшийся за полноценные отношения между Россией и НАТО, которые охватывали бы все направления общей безопасности с учетом того, что перед альянсом и Россией стоят общие угрозы. Уже в январе 2010 г. на заседании Совета Россия – НАТО на уровне начальников генштабов был одобрен рамочный договор о военном сотрудничестве между РФ и альянсом. Речь в нём, в частности, идет о логистической поддержке Россией междуна-

¹ Севастьянов Сергей Витальевич, профессор Кафедры мировой экономики и экономической теории ВГУЭС, доктор политических наук

родной миротворческой операции в Афганистане, а также о совместной борьбе с нетрадиционными угрозами безопасности, такими как терроризм, пиратство и др. Ещё одно ключевое направление, по которому США заинтересованы в сотрудничестве с Россией – это борьба с распространением ОМП. В первую, очередь, речь идёт о таких нарушителях общественного спокойствия как Иран и КНДР. Вот, собственно, чего хотят в настоящее время от РФ американцы в сфере безопасности.

В то же время существенные противоречия в позициях и оценках сторон остаются. В новой Военной доктрине РФ среди внешних угроз указаны размещение иностранных воинских контингентов на территориях сопредельных государств и развертывание систем ПРО, что подрывает сложившийся паритет сил в ракетно-ядерной сфере.² Тем не менее, несмотря на эту принципиальную разницу в подходах, 8 апреля 2010 г. в Праге было подписано соглашение о сокращении стратегических вооружений СНВ – 3. То есть стратегические интересы наших государств в этой сфере совпали.

Переходя к характеристике *российских и американских интересов безопасности с глобального уровня на региональный (АТР)*, следует отметить, что основные принципы и положения американской политики в области безопасности в АТР не противоречат российским интересам в этом регионе, а в некоторых случаях они совпадают. Так, Москва высоко оценила финансовую и техническую помощь, которую США вместе с Японией оказали в решении вопроса дезактивации радиоактивных отходов в ходе утилизации списанных из боевого состава Тихоокеанского флота России атомных подводных лодок. В то же время Россия не одобряет совместные усилия Японии и США по созданию противоракетной системы театра военных действий, которая может способствовать дестабилизации обстановки в сфере безопасности Северо-Восточной Азии (СВА).

Ещё один чувствительный вопрос – наличие в регионе системы двусторонних соглашений США в области безопасности. Россия не

² Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 05.02.2010 N 146.

выступает против их присутствия, однако и не является частью этой системы, что ограничивает возможности Москвы по обеспечению своих интересов в регионе. В этой связи Москва предлагает дополнить американские союзы межгосударственной организацией, отвечающей за безопасность СВА, которая может быть создана на базе уже действующего механизма шестисторонних переговоров по безопасности Корейского полуострова. Наконец, ещё одной важной особенностью сотрудничества в области безопасности в АТР является то, что, как для Москвы, так и для Вашингтона, оно всегда было вторично по сравнению с двусторонними отношениями в Европе. За последние 20 лет контакты между представителями ВС двух стран в АТР были весьма активными, особенно между военно-морскими флотами, которые включали совместные крупномасштабные учения по высадке морского десанта, поисково-спасательные операции, визиты военных кораблей. Однако ухудшение двусторонних отношений в Европе (Косовский кризис, расширение НАТО и др.) неоднократно блокировало развитие военных связей между РФ и США в АТР.³

Теперь о том, что можно почерпнуть в открытых американских документах о роли современной России в безопасности АТР. В последней несекретной версии Стратегии Тихоокеанского командования США, выпуск которой был приурочен к приходу к власти президента Б. Обамы, Россия упомянута лишь два раза.⁴

Так, в примечании к карте оперативной ответственности Главного командования ВС США в Тихоокеанской зоне указано, что во взаимодействии с ГК ВС США в Европе ГК ВС США в ТОЗ осуществляет следующие миссии (контртеррористическое планирование в интересах дипломатических миссий США, военные учения, визиты кораблей ВМФ и пр.) на территории РФ восточнее 100 градуса восточной долготы, то есть к востоку от Иркутска.

В региональных оценках, включая раздел по СВА, Россия не упоминается. А в разделе оценок на перспективу сказано, что «Россия

³ Sevastiyarov S. The Russian Far East's Security Perspective. In eds. by Iwashita A. *Siberia and the Russian Far East in the 21st Century: Partners in the "Community of Asia"*. – Slavic Research Center, Sapporo, 2005. P. 21-38.

⁴ US Pacific Command STRATEGY: partnership, readiness, presence. April 2009.

будет работать на то, чтобы восстановить своё присутствие в регионе». Данный тезис по смысловой нагрузке нейтрален, и в разделе вызовов, стоящих перед ВС США в ТОЗ, отсутствует прямой аналог, который мог бы составить ему пару. В некоторой степени к России может иметь отношение вызов безопасности, сформулированный как «конфликты из-за суверенитета над природными ресурсами» (если спроецировать его на ситуацию с добычей нефти и газа на шельфе Сахалина). С Китаем всё яснее. В разделе оценок сказано, что «Китай продолжит повышать свои военные возможности, а его экономическое и политическое влияние будет расти». Этому есть прямой аналог среди вызовов безопасности, к которым прямо отнесены «развивающиеся нации, демонстрирующие высокие темпы экономического роста и существенно повышающие военные расходы».

Заметно снизился интерес к России как предмету исследования в региональных центрах госдепартамента и главного командования ВС США в ТОЗ. Так, в Центре Восток-Запад госдепартамента уже много лет нет специалиста по России. В Центре исследований безопасности АТР ГК ВС США в ТОЗ эти обязанности возложены на Р. Азизяна, который одновременно занимается решением широкого спектра других задач. Наконец, в университете Аляска-Анкоридж недавно закрылся американско-российский Центр. Многие годы это был самый крупный проект, спонсировавшийся Американским Агентством Развития и направленный на развитие двустороннего экономического сотрудничества между Дальним Востоком России и Западным побережьем США.

В последние годы американские эксперты испытывали проблемы с оценкой места России в концепциях безопасности США в АТР. Так, в опубликованной в 2006 г. одним из руководителей Центра исследований безопасности АТР ГК ВС США в ТОЗ Сату Лимэем статье, посвящённой американским подходам к безопасности в АТР (объёмом 26 страниц), Россия не упомянута ни разу.⁵

⁵ Limaye S. Strategic Resets, Security Ripples, and US Interests in the Asia-Pacific. In eds. by R. Azizian, B. Reznik Russia, America, and Security in the Asia-Pacific. – APCSS, Honolulu, 2006. P. 50-76.

Этому феномену есть некоторое объяснение. Опубликованная около года назад «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»⁶ подробно характеризует угрозы безопасности России, исходящие из Евро-Атлантического и Центрально-Азиатского регионов. Однако в этом документе не упомянуты ни сам Азиатско-Тихоокеанский регион, ни исходящие от него угрозы безопасности России. Единственное исключение представляет собой Корейский полуостров, который вошёл в общий список региональных угроз. Этот факт свидетельствует о том, что концептуальные основы российской политики в области безопасности АТР ещё не сформулированы и, соответственно, не утверждены. Отсутствие российских официальных оценок затрудняет работу иностранных экспертов, которым остаётся теряться в догадках. В этой связи заслуживают внимания оценки Г. Розмана, одного из лучших американских исследователей в вопросах безопасности США в целом и роли России в частности. В 2005 г. он сформулировал *четыре цели, к достижению которых США стремятся в своей политике безопасности применительно к Дальнему Востоку России*.⁷

1. РДВ в будущем не должен снова стать угрозой безопасности США, которую он представлял до начала 90-х гг., а российско-китайские военные связи не должны выйти за рамки поставок оборонительных вооружений.
2. США не хотят, чтобы какая-то держава получила значительный (substantial) контроль над этой частью России. Несмотря на определённое противодействие со стороны россиян, эту задачу сможет решить Китай, чьи перспективы гораздо лучше, чем у Японии.
3. США рассматривают российские энергетические запасы, особенно нефти, в качестве стратегического ресурса, и стремятся получить

⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. – Утверждена Указом Президента РФ от 12.05.2010 N 537.

⁷ Rozman G. Sino-Japanese Competition over the Russian Far East: Is the Oil Pipeline Only a Starting Point? In eds. by Iwashita A. *Siberia and the Russian Far East in the 21st Century: Partners in the “Community of Asia”*. – Slavic Research Center, Sapporo, 2005. P. 1-20.

максимально возможный доступ к их разработке (в том числе участвуя в сахалинских проектах вместе с японскими ТНК).

4. Вашингтон обеспокоен возможностью развития регионализма в СВА по моделям, предполагающим лидерство не США, а другого государства, особенно Китая. Исповедуемая последним закрытая модель не соответствует интересам США в регионе. Результаты анализа этих целей свидетельствуют о том, что в их достижении Вашингтон будет опираться преимущественно на главного союзника в регионе – Японию, которая в отношении России ставит перед собой примерно те же задачи. Важным средством в их достижении является предупреждение и противодействие возможному дальнейшему повышению уровня сотрудничества между Китаем и Россией, которое способствует геополитическому и экономическому усилению Китая в регионе за счёт подключения всех видов политических и экономических ресурсов России. Дело в том, что у западных компаний возникли проблемы с проектами, заключёнными в 1990-е гг. на основе соглашений о разделе продукции. В результате «Ройял Датч Шелл» была вынуждена продать контрольный пакет в проекте Сахалин-2 Газпрому, а ВР, не договорившись с Газпромом об условиях продажи своей доли в Ковыктинском месторождении, так и не смогла начать масштабную добычу газа. В результате ведущие западные ТНК сегодня не расположены вкладывать существенные инвестиции в развитие бизнеса на Дальнем Востоке России. В то же время Россия и Китай договорились о долговременных поставках сибирской нефти и газа, всё возрастающие объёмы которых потекут в Китай. В 2009 г. Президент РФ Д. Медведев и Председатель КНР Ху Цзиньтао согласовали программу о реализации более 200 совместных проектов в приграничных районах двух стран. Предусмотрена совместная разработка российских сырьевых месторождений, но при этом все перерабатывающие и производящие конечную продукцию предприятия будут строиться в Китае.

Складывающаяся ситуация чревата для России высокими геополитическими и чисто экономическими рисками. Необходимо дивер-

сифицировать рынок сбыта энергоресурсов, как это уже делается в Европе. России надо активнее работать в этой сфере с США, Японией, РК и другими «игроками», и одновременно искать пути сотрудничества с развитыми экономиками в высокотехнологичных отраслях. Провал в развитии экономических отношений между США и РФ, по сравнению с существенными достижениями в обеспечении стратегической безопасности и стабильности, всё более очевиден. Это понимание есть и у американской стороны. Так, на прошедшем в апреле 2010 г. во ВГУЭС «круглом столе» на тему «Проблемы и перспективы российско-американского бизнеса» Генеральный Консул США во Владивостоке Том Амбрустер активно развивал тезис о том, что РФ и США должны разработать и начать реализацию в АТР совместных проектов (экономических, научных и др.). При этом подготовка к предстоящим саммитам АТЭС в Гонолулу (2011 г.) и Владивостоке (2012 г.) предоставляет для этого отличные возможности.

В заключение хочется сделать следующий вывод. Россия в американской стратегии безопасности рассматривается в двух измерениях:

1. На Европейском пространстве и в Центральной Азии она оценивается как важный стратегический партнёр в вопросах обеспечения основных аспектов традиционной безопасности: сокращения стратегических вооружений, борьбы с распространением ОМП (сюда же можно условно включить и шестисторонние переговоры по безопасности Корейского полуострова). Второе направление сотрудничества – расширение совместной борьбы с международным терроризмом, пиратством и другими нетрадиционными угрозами.

2. В АТР Россия рассматривается США как второстепенный игрок. При этом её оценка производится исключительно через призму того, сможет ли усиливающийся Китай (“rising China”) использовать для достижения своих амбициозных целей её геополитический вес и богатые природные запасы. То есть американские подходы сводятся к тому, чтобы через развитие экономического и других видов сотрудничества с РДВ предоставить Москве альтернативу в выборе партнёров и

несколько ограничить растущее влияние Пекина в этой части России и в СВА в целом.

Таким образом, если в 1960 – 1970-е гг. политологи дискутировали о том, кто (СССР или США) разыграет китайскую карту, то *теперь речь идёт о том, кто (США или Китай) сможет успешнее разыграть российскую карту*. Стратегический выбор в этой дилемме остаётся за Россией. Существуют и более оптимальные паллиативные, компромиссные варианты, когда Россия выстраивает прочные партнёрские отношения не только с Китаем, но и с ведущими развитыми государствами Восточной Азии и США. Вот только реализовать этот тезис на практике довольно непросто. Но думать о том, как это сделать, надо уже сегодня.

РОССИЯ В КОНЦЕПЦИЯХ БЕЗОПАСНОСТИ ЯПОНИИ

Недавно мне попала справка Совета Федерации РФ «Актуальные проблемы национальной безопасности России на современном этапе», подготовленная Информационно-аналитическим управлением аппарата Совета Федерации. В ней проводится анализ Концепций национальной безопасности Японии и моделей ее геополитического поведения в современной истории – паназиатизм, азиатцентризм, совместный азиатцентризм. Далее рассматриваются многочисленные послевоенные концепции, которые называются доктринами безопасности Японии: «доктрина Ёсида», «классическая доктрина национальных интересов», «доктрина комплексного обеспечения национальных интересов (КОНБ)», а также «доктрины» Миядзава, Хасимото и другие. Они довольно подробно описаны в соответствующей литературе, да и в упомянутой справке, поэтому в докладе комментировать не будут. Стоит обратить внимание на другое: по большому счету, как таковой фундаментально сформулированной концепции национальной безопасности в Японии нет. Я имею в виду, что нет такого документа, как, например, в США и России. Часто упоминаемые доктрины Ёсида, Фукуда, Миядзава и даже «Концепция комплексного обеспечения национальной безопасности» являются своего рода обобщениями, частично разбросанными в различных официальных или полуофициальных материалах, посвященных внешнеполитическому курсу страны на международной арене. Причина такого положения заключается в том, что в основе международной деятельности Японии лежит присущее японцам свойство адаптироваться или приспособливаться к окружающей среде, а не менять, и тем более, не ломать её.

Только в конце 90-х гг. XX в. после серии серьезных экономических потрясений, среди политико-академической элиты появилось осознание необходимости выработки своего рода стратегического плана поведения Японии в XXI в., предусматривающего предвари-

¹ Кожевников Владимир Васильевич, заведующий Центром международных отношений и внешней политики Японии ИИАЭ, кандидат исторических наук

тельную подготовку к предполагаемым угрозам и вызовам. В результате появился соответствующий документ, который называется «Концепция просвещенных национальных интересов». Она была подготовлена группой аналитиков, довольно объективно оценивающих ситуацию в регионе и место в нем Японии. Но эта концепция не стала столь популярной среди российских аналитиков, в отличие от предшествующих.

Обычно в своих речах японские официальные лица редко оперируют такими категориями как «национальные интересы» и «безопасность», поэтому в документах МИД редко можно встретить их употребление. В Японии чаще используют более привычные для них термины – «мир» и «стабильность». Возможно, это связано с историческими традициями и менталитетом японцев.

Частичный анализ «Голубой книги» по вопросам внешней политики Японии, в которой рассматриваются отношения с разными странами и которая отражает официальную позицию и существующие в настоящий момент приоритеты японского правительства, позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в издании 2009 г. регионы по своей значимости во внешней политике Японии выстроены в следующем порядке, ставшем традиционным в последние годы: 1) Азия и Тихий океан; 2) Северная Америка; 3) Латинская Америка и бассейн Карибского моря; 4) Европа; 5) Россия, Центральная Азия и Кавказ; 6) Ближний Восток и Северная Африка; 7) Африка. До 2000 г. он немного отличался: японо-американские отношения; японо-южнокорейские отношения; японо-китайские отношения; японо-российские отношения; отношения Японии с Европой. Во-вторых, если говорить о политике в отношении Российской Федерации, то в документе 2009 г. отмечено, что «Россия – важная соседняя страна для Японии, и укрепление сотрудничества между Японией и Россией в Азиатско-Тихоокеанском регионе не только отвечает стратегическим интересам обеих стран, но и может способствовать стабильности и процветанию региона»². Этот традиционный зачин, характерный для всех изда-

² Голубая книга по вопросам дипломатии Японии. 2009. // <http://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2009/html/index.html> (на яп. яз.)

ний, конкретизируется другой формулировкой, раскрывающей суть японской позиции: «...чтобы способствовать стабильности и процветанию Азиатско-Тихоокеанского региона, японское правительство вело активные переговоры с российским правительством, стремясь достигнуть окончательного решения проблемы северных территорий – самой большой проблемы двусторонних отношений»³.

Обращает на себя внимание то, что по сравнению с изданиями 90-х гг. в последних документах все меньше места уделено экономическому сотрудничеству. Эта составляющая также урезана при оценках развития двусторонних отношений Японии с другими странами, например, Китаем и Южной Кореей.

В рамках заявленной темы необходимо обратиться к «Белым книгам» Управления национальной обороны, а теперь Министерства обороны, так как именно эти ведомства были вынуждены употреблять термин «безопасность» и проводить анализ в контексте его содержания. Надо констатировать, что в отличие от аналогичных американских документов, японские уделяют России определенное внимание, но и не такое, как, например, во времена существования СССР. В военных концепциях Японии Россия представлена достаточно полно, хотя и «монотонно». Сравним издания конца 90-х годов XX в. и последний документ. В «Белой книге» 1998 г. в отношении России выделяются следующие три момента.

1. Проблема северных территорий. В тексте прямо записано: «Россия, еще будучи СССР, разместила сухопутные войска на островах Итуруп, Кунашир и Шикотан, которые были незаконно оккупированы, несмотря на то, что они являются неотъемлемой частью японской территории»⁴;
2. Хотя после распада СССР Россия сократила военную активность в районе Японии, однако сохраняет в больших масштабах военный потенциал, включая ядерное оружие;

³ Там же.

⁴ Белая книга по вопросам обороны Японии. 1998 // http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/1998.html (на яп. яз.)

3. Будущее развитие российских сил невозможно рассчитать из-за нестабильной политической и экономической ситуации в стране. Поэтому дальнейшее развитие российских вооруженных сил на Дальнем Востоке не определено».

В последней книге по обороне, «DEFENSE OF JAPAN 2009», о России говорится в том же ключе: «С 1978 г., еще при существовании СССР, Россия неоднократно развертывала наземные войска на японских северных островах: Итуруп, Кунашире и Шикотане. Этот район незаконно занят Россией, несмотря на то, что он – неотъемлемая часть японской территории. Хотя число военнослужащих на островах значительно сократилось, склады, бронированные машины, различные типы артиллерии, и противовоздушные ракеты все еще развернуты в регионе. ... как упомянуто выше, российские войска продолжают размещаться на Северных Территориях, которые являются неотъемлемой частью Японии, и мы надеемся, что проблема будет скоро решена»⁵. Кроме того, в издании говорится об активизации военных учений России в регионе. Наблюдается поразительное совпадение с аналогичным документом 1998 г. Анализ «Белых книг» за последние годы показал, что во всех изданиях тезисы, имеющие отношение к России, оказались практически идентичными – весьма показательно с точки зрения отношения к России и её места во внешней политике Японии.

В прошлом году мы уже обращали внимание на то, что значимость России для Японии четко прослеживается в «Манифесте», предвыборной программе победившей на выборах Демократической партии, – о России в нем практически ничего не говорится. Только в разделе, посвященном корейской проблеме в контексте сотрудничества с другими странами, включая США, Китай и Южную Корею, упоминается и Россия⁶.

Можно сделать следующие выводы:

1. Главным политическим актором в регионе становится Китай, а не Россия. Отсюда, и причина, почему России отводятся низшие

⁵ Белая книга по вопросам обороны Японии. 2009 // http://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/2009.html (на яп.яз.)

⁶ Демократическая партия Японии: официальные обязательства власти. Манифест. Токио, 2009. 18 августа. С.23-24 с. (на яп.яз.)

строчки в приоритетах Токио. В контексте безопасности Япония как и США, её стратегический союзник в Северо-Восточной Азии, больше всего озабочены именно «китайским фактором», потенциально способным стать серьезным вызовом для позиций США и Японии в регионе и даже в мире.

Тем не менее Россия для японских стратегов остается значимой величиной, в том числе не только потому, что она обладает еще достаточно мощным военным потенциалом, но и потому, что не исключено сближение России с Китаем, что беспокоит Японию в стратегическом плане.

В принципе, у Японии нет альтернативы политике укрепления отношений с США и модернизации вооруженных сил. Разумеется, внутри этого союза существует немало неясностей, которые надо учитывать, например, проблема участия Японии в боевых действиях и другие.

2. Во внешнеполитических и военных доктринах прослеживается усиление интереса Японии к евразийскому региону, ресурсам Прикаспия и, следовательно, странам Центральной Азии и Закавказья, что может повлиять на отношение к России. Включение Японии в игру на новом геостратегическом поле объективно ослабляет роль России в совокупной внешней политике стран региона. Стоит заметить, что Япония теряет практический интерес к развитию энергетических проектов на территории России, за исключением разработки сахалинских месторождений.

В целом, интерес Японии в отношении России представлен только необходимостью решения территориальной проблемы, а с точки зрения безопасности – сконцентрирован исключительно на военно-политическом аспекте. Очевидно, что для японской стороны достижение политических целей в сотрудничестве с РФ довлеет над экономической составляющей.

Толстокулаков И.А.¹

РОССИЯ В ДОКТРИНЕ И СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Практика международных отношений первого десятилетия XXI в. не раз подтверждала, что обстановка в мире в силу многочисленности и переменчивости факторов, под воздействием которых она формируется и развивается, становится все более трудно прогнозируемой. Это в полной мере относится и к Корейскому полуострову, где происходят сложные и неоднозначные по своим последствиям процессы, способные в значительной мере повлиять на общую ситуацию в Северо-Восточной Азии. Динамику и направленность этих процессов нельзя рассматривать вне связи с сопредельными государствами, каковым для России в течение последних полутора веков является и Корея.

На протяжении многих десятилетий Корейский полуостров остается узлом повышенной политической напряженности, обусловленной соприкосновением и соперничеством интересов соседних держав: Китая, Японии, России и США. Однако в последние годы ситуация в СВА во многом определяется новыми возможностями двусторонних российско-южнокорейских отношений, возникшими после прихода к руководству в Российской Федерации и Республике Корея нового поколения национальных лидеров, молодого и энергичного, со взглядами на внешнюю стратегию своих стран, во многом отличающимися от позиции предшествовавших политиков.

На смену характерным для 1990-х гг. конъюнктурным решениям приходит осознание того, что как бы ни изменялся баланс сил в мировой и региональной политике, в долгосрочной исторической перспективе Россия и Республика Корея будут оставаться важными составляющими геополитической структуры Северо-Восточной Азии, от которых во многом зависит стабильность и безопасность данного региона.

¹ Толстокулаков Игорь Анатольевич, заведующий Центром корееведения ИИАЭ ДВО РАН, кандидат исторических наук

Большинство российских и южнокорейских экспертов солидарны в том, что приход к власти в феврале 2008 г. администрации президента Ли Мён Бака обернулся трансформацией либерально-демократического политического режима Южной Кореи в правоконсервативный². Новые ориентиры властной элиты не могли не отразиться на внешней политике, Ли Мён Бак позиционировал себя как «...прагматичный консерватор, склонный действовать в отношениях с ближайшими партнерами расчетливо, без идеологических предубеждений и с максимальной эффективностью для страны»³.

С окончанием «холодной войны» и изменением обстановки на Корейском полуострове перед Сеулом встала проблема поиска собственного уникального места в международной системе координат. На рубеже XX – XXI вв. политическим кредо ряда южнокорейских руководителей стала «задача обретения новой международной самоидентификации»⁴, Республика Корея формировала имидж сильного и самостоятельного игрока на международной арене, достаточно свободного от «оков» традиционных союзнических отношений с США. На практике это обернулось неким удалением от Вашингтона, постоянным подчеркиванием собственного равноправия в рамках военно-политического союза с США. Следует подчеркнуть также начало активного диалога с Пхеньяном, примирение с северокорейским руководством и ощутимое сближение с КНР не только в экономическом, но и в политическом плане.

Несмотря на очевидные внешнеполитические успехи, подобный курс был осужден нынешним руководством Республики Корея, которое определяет первое десятилетие текущего века не иначе как «потерянное десятилетие»⁵. Консервативная правящая элита во главе с Ли Мён Баком предпочла традиционную ориентацию на США. Очевидно, что сегодня Сеул исходит из убеждения в том, что претензии

²См., например: *Воронцов А.В., Ревенко О.П.* Южная Корея в поисках баланса // Россия в глобальной политике. 2008. № 6.; *Жебин А.З., Ким Ен Ун.* Перемены на Корейской полуострове: вызовы и возможности // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 2. и др.

³[*Ли Мёнбак.*] И тэтхоньёнън хубо оллон (Платформа кандидата в президенты Ли [Мёнбака]) // Чосон синмун. 2007. 24 ноября.

⁴*Воронцов А.В., Ревенко О.П.* Указ. соч. С. 28.

⁵См.: *Ли Мён Бак.* Чудес не бывает. Сеул, 2009.

Южной Кореи на роль самостоятельного игрока в мировой политике оказались неудачными, отсюда попытка проведения независимого внешнеполитического курса оценивается как бесполезная трата ресурсов и национального потенциала. Не отказавшись от перспективной цели повысить статус страны на международной арене, Сеул сегодня предпочитает опираться на южнокорейско-американский союз как военно-политический альянс, способствующий усилению значимости Республики Корея на международной и региональной арене. Очевидно, что подобная тактика опирается на японский опыт, позволивший Токио стать мировой державой в условиях тесной опеки со стороны Вашингтона.

Сегодняшняя стратегия южнокорейского руководства исходит из признания традиционных связей и ориентации на США как жизненно необходимого условия для обеспечения национальной безопасности Республики Корея, для поддержания регионального баланса сил в СВА и для определения совместной северокорейской политики. Ради восстановления тесного партнерства, необходимость которого при либеральном руководстве ставилась под сомнение, Ли Мён Бак в апреле 2008 г. побывал с первым зарубежным визитом в качестве главы государства именно в Вашингтоне, при этом он неоднократно подчеркивал, что главной целью не только поездки, но и всего внешнеполитического курса новой южнокорейской администрации становится «...выход Южной Кореи на такой же уровень стратегического союза с Америкой, каким сегодня является сотрудничество США с Японией и Австралией»⁶.

Основным результатом вашингтонского турне Ли Мён Бака стал взаимно одобренный курс на формирование между Республикой Корея и США «стратегического союза XXI века», предусматривающий расширение практического взаимодействия в военно-политической сфере, совместное решение задач по поддержанию безопасности на Корейском полуострове, совместное реагирование на глобальные и региональные вызовы, включая нераспространение оружия массового уничтожения, международный терроризм, неустойчивость мировой

⁶Тонъя Ильбо. 2008. 23 апреля.

экономики, изменение климата, создание системы противоракетной обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также координация политики в отношении КНР⁷.

Неизбежным результатом нового внешнеполитического курса Сеула становится коренная перестройка основ американо-южнокорейского союза. Если до недавнего времени США воспринимались в Республике Корея преимущественно как гарант против возможного нападения со стороны КНДР, то теперь Сеул выходит за рамки сдерживания северокорейской угрозы: Южной Корее предстоит внести более ощутимый вклад в реализацию глобальной политики Вашингтона. Формирование подобного альянса пока остается лишь задачей на перспективу, но уже на данном этапе, когда союзники решают преимущественно вопросы двусторонних отношений и ядерную проблему Корейского полуострова, новые подходы администрации Ли Мён Бака к сфере национальной безопасности нашли отражение в ныне действующей редакции «Стратегии национальной безопасности Республики Корея», получившей наименование «Корея глобальная»⁸.

Очевидно, что на фоне крепнущего и направленного на перспективу корейско-американского альянса положение России в «Стратегии национальной безопасности Республики Корея» как официальном документе или одном из направлений южнокорейской внешней политики выглядит более чем скромно.

Ситуацию, складывающуюся сегодня в отношениях между Россией и Республикой Корея, в целом мы можем оценить как исключительно неоднозначную. На протяжении всей своей политической карьеры с середины 1980-х гг. Ли Мён Бак выступал активным сторонником установления торгово-экономических отношений Южной Кореи с СССР/ Россией. На посту мэра Сеула в 1990-х гг. он многое сделал для развития двусторонних связей. Очевидно, что в администрации президента Ли Мён Бака понимают, что Россия восстанавливает свое экономическое и политическое присутствие в АТР и может стать

⁷Там же.

⁸Global Korea. The National Security Strategy of the Republic of Korea. June 2009. Seoul: Office of the President, 2009.

страной, оказывающей активное влияние на Корейский полуостров. Президентская команда признает, что устойчивый характер развития отношений России с Пхеньяном не только обуславливает участие Москвы в шестисторонних переговорах по северокорейской ядерной проблеме, но на перспективу может повысить значимость позиции России для Южной Кореи и всего региона СВА.

Однако широко разрекламированный при смене власти в Сеуле «прагматизм» Ли Мён Бака не мог не отразиться на выборе приоритетов: укрепление российского направления внешней политики в Южной Корее рассматривается в первую очередь как создание условий для стабильного обеспечения национальной экономики энергоресурсами и минеральным сырьем. При этом, разумеется, учитывается и возможность расширения экспорта в Россию южнокорейских товаров. Такого рода деятельностью заняты не только экономические ведомства Республики Корея, но и президентская администрация, министерство иностранных дел, другие правительственные структуры, часто далекие от экономики и торговли. Вплоть до недавнего времени перед российской стороной регулярно и настойчиво ставились вопросы об участии южнокорейского бизнеса в реализации перспективных энергетических и сырьевых проектов на территории России.

Складывается впечатление, что одним из приоритетов российской политики Сеула становится получение Южной Кореей положения ключевого партнера России в СВА применительно к энергетической сфере. Позволим себе провести аналогию с позицией, которую в европейской энергетической политике России занимает Германия. С одной стороны, бесперебойное обеспечение энергоресурсами на выгодных для Кореи условиях является неотъемлемой и важной составляющей национальной безопасности южнокорейского государства и его растущей экономики; и здесь мы видим достаточно перспективное и обширное поле для политического маневра Российской Федерации. Однако приходится признать, что нынешняя стратегия Сеула существенно и, главное, искусственно сужает упомянутые ранее перспективы двусторонних отношений.

На московском саммите 2004 г. президенты В.В. Путин и Но Му Хён вели речь об установлении «многостороннего доверительного партнерства»⁹, позволявшего ещё ранее серьезно говорить о широком поле двустороннего сотрудничества, в том числе в области высоких технологий, космоса, инфраструктуры и т. д. Сегодня свыше 90% российского экспорта в Южную Корею приходится на энергоносители, сырье и металлы, в то время как последняя поставляет в Россию готовую промышленную продукцию. Получается, что «прагматизм» администрации Ли Мён Бака превращает Россию в энергетическую и сырьевую базу Южной Кореи, и это в свою очередь автоматически влечет снижение уровня межгосударственных отношений. Мы пессимистично оцениваем возможность реально изменить ситуацию в ближайшее время, прежде всего потому, что южнокорейская сторона заинтересована именно в таком варианте сотрудничества с Россией, гласно или негласно закреплённом в национальной стратегии Республики Корея.

Подводя итог сказанному, отметим, что под «стратегическим партнерством» с Россией администрация Ли Мён Бака понимает политическое сопровождение усилий южнокорейских деловых кругов, обеспечивающих и облегчающих доступ к российским природным ресурсам, в первую очередь углеводородному сырью Сибири и Дальнего Востока; при этом не следует забывать о попытках наших южнокорейских партнеров обеспечить себе выгодные конкурентные условия по сравнению с соседями по СВА – Китаем и Японией.

Характерные для первого десятилетия текущего века надежды на партнерство более высокого уровня сегодня выглядят иллюзорными: национальная стратегия безопасности Южной Кореи, несомненно, устанавливает внешнеполитический приоритет США. В силу этой причины координация по актуальным международным вопросам между Россией и Республикой Корея возможна только там, где в этом в первую очередь нуждается сам Сеул, например, по поводу возобновления шестистороннего диалога в Пекине. Но и в этом случае южнокорейские партнеры в целом будут придерживаться принципиальной линии, согласованной с США. Вне собственно проблематики Корей-

⁹Тонъя Ильбо. 2008. 1 октября.

ского полуострова другой, более обстоятельной политической повестки дня для двустороннего формата, к сожалению, нет.

Единственное поле, на котором Россия пока ещё может разыгрывать южнокорейскую карту в противовес Вашингтону, заключается в планах США создать систему противоракетной обороны в АТР. Несмотря на очевидную проамериканскую направленность внешней политики Ли Мён Бака, Республика Корея занимает весьма осторожную позицию относительно создания системы ПРО в АТР. Сеул опасается очевидных последствий: помех на пути создания новой модели отношений на Корейском полуострове и возможных осложнений в отношениях с КНР. Впрочем, и Вашингтон понимает слабость своих позиций, поэтому вопрос о ПРО в АТР особенно не бужуруется.

Теперь позвольте ещё раз вернуться к официальному тексту «Стратегии национальной безопасности Республики Корея», открытому для зарубежных исследователей. Слово «Россия» в нём встречается в двух разделах:

- «Нарастающая неустойчивость мировой (глобальной) экономики»;

- «Укрепление отношений с ведущими державами региона».

В разделе «Нарастающая неустойчивость мировой (глобальной) экономики» Россия упомянута в перечне государств, входящих в БРИК, в контексте, указывающем на преимущество их растущих экономик по сравнению с США и другими развитыми странами, для которых характерно снижение экономических показателей¹⁰. Очевидно, что такое упоминание «вскользь» нашего внимания не заслуживает...

В разделе «Укрепление отношений с ведущими державами региона» российской проблематике так же, как Японии и Китаю, отведен подраздел «Отношения с Россией». В нём говорится: «Установленный в течение первого года существования администрации Ли Мён Бака режим «стратегического партнерства» наряду с регулярным Стратегическим двусторонним диалогом, осуществляемым каждые два года на уровне заместителей министров двух государств, позволяют двум го-

¹⁰Global Korea. The National Security Strategy of the Republic of Korea. June 2009. Seoul: Office of the President, 2009. P. 9.

сударствам более тесно знакомиться со взаимными взглядами по широкому спектру интересов и ценностей, способствующих развитию взаимного сотрудничества.

Мы констатируем нарастающее сотрудничество с Россией в сферах высоких технологий, подготовки научных кадров, разработках по добыче и сбережению энергии и природных ресурсов. Все больший интерес вызывают усилия по реализации проекта «Обновленное экономическое сообщество в СВА» с вовлечением Северной Кореи в качестве участника. Продвижение ряда совместных проектов по развитию железнодорожного, морского и трубопроводного транспорта создает условия по обеспечению трехстороннего экономического сотрудничества с участием Южной Кореи, Северной Кореи и России, что, в свою очередь, может внести существенный вклад в развитие межкорейских отношений.

На фоне нарастающей стратегической заинтересованности России вопросами СВА Сеул готов поддерживать диалог и сотрудничество с Москвой, особенно по тем направлениям, которые способствуют развитию межкорейских отношений и укреплению мира и стабильности в СВА, и прежде всего в совместных усилиях по разрешению северокорейской ядерной проблемы посредством развития шестисторонних переговоров, а также по развитию многостороннего диалога, направленного на укрепление мира и безопасности в СВА с участием северокорейских представителей»¹¹.

Единственное, на чем мы не заострили внимание – это посредническая и особая «вовлекающая» в отношении КНДР роль, которая отводится России в рамках южнокорейской стратегии национальной безопасности. По замыслу её разработчиков, да и тех, кто сегодня определяет реальную политику Республики Корея, Россия должна способствовать развитию межкорейского диалога, причем по двум основным направлениям, с которым Сеул не может справиться самостоятельно:

- создание единой инфраструктуры, в том числе энергетической и транспортной, объединяющей два корейских государства;

¹¹Ibid. P. 23 – 24.

- обеспечение «мягкого» внешнего давления на Пхеньян с целью вовлечения КНДР в международную жизнь региона СВА.

Позвольте не анализировать данную роль, отведенную России сеульскими властями, поскольку это тема отдельного разговора. Заметим ещё, что США в документе уделено значительно больше места, они упомянуты в нем неоднократно, союзническим отношениям с Вашингтоном посвящен целый раздел «Республика Корея – США: стратегический альянс XXI века»¹².

¹²Ibid. P. 22.

СТРАТЕГИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ И МЕСТО В НЕЙ РОССИИ

Среди стран, которые в перспективе смогут оспорить превосходство США в военной сфере, несомненно, выделяется Китай, который за последние десятилетия существенно активизировал свою внешнеполитическую и военную деятельность. Непрерывно и динамично растет его военный бюджет, а Народно-освободительная армия (НОАК) преобразуется в вооруженные силы, отвечающие всем современным требованиям. Согласно Закону КНР "О государственной обороне", принятому в марте 1997 г., НОАК и войска резерва вместе с войсками народной вооруженной полиции (НВП) и народным ополчением составляют "триединую систему" вооруженных сил Китая.

Положения современной концепции национальной безопасности страны излагаются в таких программных документах, как решения съездов коммунистической партии, постановления пленумов и Центральной военной комиссии ЦК КПК, а также в документах Центрального военного совета и Государственного совета КНР.

Широкой общественности (в том числе и международной) эти положения в открытой официальной трактовке представлены в Белой книге «Национальная оборона Китайской Народной Республики», которая регулярно публикуется пресс-канцелярией Госсовета КНР с 1998 г. один раз в два года.

За прошедшие шесть десятилетий процесс эволюции концепции национальной безопасности Китая прошел два этапа: за первые 30 лет после образования КНР считалось, что основными проблемами мирового характера являлись война и революция, поэтому концепция безопасности была сконцентрирована на оборонной и политической составляющих, т. е. на защите территориальной целостности и суверенитета страны и укреплении государственной власти. Такую концепцию мы называем традиционной. В последующие 30 лет в стране было

¹ Лапин Михаил Александрович, научный сотрудник Отдела международных отношений и проблем безопасности ИИАЭ ДВО РАН

закреплено понимание того, что мир и развитие являются двумя главными задачами современной эпохи. За этот период Китай, не упуская из виду традиционные угрозы безопасности, постоянно расширяет сферу своего внимания на нетрадиционные угрозы безопасности в таких областях, как экономика, финансы, информатика, энергетика, продовольствие, здравоохранение, а после “11 сентября” – на борьбу с терроризмом. Таким образом, сформирована комплексная всеобъемлющая концепция безопасности, учитывающая как традиционные, так и нетрадиционные угрозы.

Основным принципом китайской стратегии национальной безопасности является опора на собственные силы, что трактуется как использование всех имеющихся у государства возможностей для защиты национальных интересов, проведение независимой внешней политики, неучастие в военно-политических блоках и отказ от вступления в союз с великими державами, а также противодействие гегемонизму США.

Важным документом по правовому обеспечению безопасности Китая стал «Закон о предотвращении раскола страны», принятый на сессии ВСНП в марте 2005 г., который допускает возможность применения военной силы в отношении Тайваня. Представляя его депутатам, зам. главы Постоянного комитета ВСНП Ван Чжаого заявил, что закон предполагает использование «не мирных» средств защиты государства в следующих случаях: если силы, стремящиеся к независимости острова, под любым предлогом или в любой форме сделают реальным факт отделения Тайваня от Китая; если произойдут какие-либо крупные инциденты, которые приведут к отделению Тайваня; если все возможности для мирного объединения будут исчерпаны. Россия всегда рассматривала тайваньский вопрос как внутреннее дело Китая. Поэтому спокойно отнеслась к принятию сессией ВСНП «Закона о противодействии деятельности по расколу страны». Как отметили в департаменте информации и печати МИД РФ, очень важно, что в законе закреплена главная установка правительства КНР – безусловный приоритет мирных методов объединения страны в рамках политики

«одно государство – две системы» и заявлено о готовности проявить во имя этого максимум доброй воли.

Военные расходы Китая в 2010 г. вырастут на 7,5%, достигнув 532 млрд. юаней (примерно 78 млрд. дол. США). Эти данные ниже чем аналогичные показатели США, которые в 2010 году потратят на оборону 664 млрд. дол. США, включая 130 млрд. дол. США на военные расходы в Ираке и Афганистане.

Если верить большей части экспертных оценок, и в первую очередь «Отчету о военной мощи Китая», который каждый год составляет Пентагон, то ежегодно официально заявляемые военные расходы Китая не соответствуют реальности. На самом деле эти цифры в два-три раза больше. Пентагон оценил реальные расходы Китая в 2009 г. в 105–150 млрд. дол. США. По официальным данным, Китай занимает второе место после США в классификации военных расходов стран мира. Таким образом, он опережает Японию и Великобританию. При 8,5%-ном росте ВВП в 2009 г., Китай официально потратил на оборону 1,4% ВВП. По этому показателю он уступает США, Великобритании, Франции и России, чьи военные расходы составляют 2–4% ВВП. Но если принять во внимание и неофициальные затраты, то доля ВВП, идущая на финансирование военного аппарата в Китае, возрастет до 3–4%.

Долговременная программа строительства вооружённых сил (ВС) Китая состоит из трёх этапов. По окончании первого этапа (2000 г.) ВС достигли способности защитить жизненные интересы страны, в том числе путём успешного ведения локальных войн низкой и средней интенсивности по всему периметру границы, а также «...эффективно сдерживать и устрашать потенциальных противников»². В результате второго этапа (до 2010 г.) армия должна «...гарантировать расширение стратегических границ и жизненного пространства». На третьем (до 2050 г.) предполагается завершение формирования ВС, способных «...одержать победу в войне любого масштаба и продолжительности с

² А. Степанов. Китайская армия способна захватить Дальний Восток одним ударом? // http://deita.ru/analytics/v-mire_23.09.2009_137564_kitajskaja-armija-sposobna-zakhvatit-dalnij-vostok-odnim-udarom.html

использованием всех средств и способов ведения вооруженной борьбы»³.

По мнению китайского руководства, национальная безопасность напрямую зависит от мощи государства. Главными ее компонентами считаются экономика, наука и техника, внутривластная стабильность и военная мощь. При этом доминирующим фактором в настоящее время является экономический потенциал государства. В качестве главного условия и основы успешного экономического развития называются «создание мирного окружения» (военно-политический аспект безопасности) и «экономическая интеграция с соседями по региону» (экономический аспект). Одна из важных задач в области обеспечения национальной безопасности, как заявляют китайские руководители, – «предотвращение локальной войны в регионе». Главным средством достижения этого, считают они, являются вооруженные силы, которые должны «...повышать свою маневренность, огневую мощь и гибкость системы управления, а также добиваться более полного использования научных достижений в своей деятельности».

По мнению китайского аналитика проблем безопасности (Сюн Гуанкая, директора ИМСИ Китая), в настоящее время нетрадиционные угрозы превращаются в важнейший фактор, оказывающий отрицательное влияние на глобальную безопасность: 1) угрозы терроризма; 2) финансовый кризис; 3) энергетическая безопасность; 4) продовольственная безопасность; 5) безопасность пищевых продуктов и лекарственных средств; 6) изменение климата; 7) экологическая безопасность; 8) информационная безопасность; 9) борьба с морским пиратством. Влияние этих факторов на Китай становится все более ощутимым.

В целом исследование концептуальных документов Китая (как и других ведущих зарубежных стран), освещающих взгляды руководства на проблему обеспечения национальной безопасности, свидетельствует о том, что истинные цели государства в них, как правило, завуалированы и прикрыты высокопарной риторикой, а декларируемые положения зачастую не соответствуют практическим действиям на международной арене. Тем не менее концептуальные политические

³ Там же

документы, к важнейшим из которых, безусловно, относятся стратегия национальной безопасности или равнозначный ей по своим функциям документ, занимают особое место и играют важную роль в системе обеспечения национальной безопасности и процессе принятия ключевых решений любой страны.

Место России в системе национальной безопасности Китая

Россия в качестве самостоятельного государства в отличие от СССР стала в большей степени азиатско-тихоокеанской страной, в связи с чем западное и восточное направления во внешней политике России приобретают равноценное значение. В свою очередь, «...главной задачей на восточном направлении остается дальнейшее развитие и укрепление дружественных, добрососедских, предсказуемых и взаимовыгодных отношений с Китаем»⁴. Стабильность этих отношений служит важнейшей основой для военно-политической безопасности России в Северо-Восточной Азии, реального интегрирования РФ и ее дальневосточных территорий в экономическую систему АТР, создания условий для успешного экономического развития Дальнего Востока.

Китай, несомненно, является одним из внешнеполитических и экономических приоритетов для России: общая граница наших стран имеет протяженность 4210 км. По оценкам Всемирного банка, Китай прочно вошел в первую десятку экономических держав мира, занимая по темпам роста одно из первых мест (10–12% в год).

При анализе проблем безопасности в Восточной Азии китайские эксперты принимают в расчет четыре основные державы – США, Японию, Китай и Россию. При этом четко оговаривая реальный статус каждой из них: Китай и Япония – на подъеме, Россия – в результате распада СССР ныне только "региональная держава", а США – единственная сверхдержава. Поэтому Соединенные Штаты являются страной, которая в состоянии воздействовать на все аспекты национальных интересов КНР (политика, экономика, безопасность). Тем не менее Рос-

⁴ И. Петухов. Россия - Китай: "Доверительное партнерство" и некоторые проблемы региональной безопасности // http://asiapacific.narod.ru/countries/china/rf_knr_partner.htm

сия остается важным стратегическим партнером Китая, что неоднократно подчеркивалось на встречах на высшем уровне.

В настоящее время для Китая особое значение имеет обеспечение энергетической безопасности, диверсификация источников поступления в страну энергоресурсов за счет активизации северного (российского) направления. С учетом возможных трудностей в области раздела потоков мировых энергоресурсов эта задача особенно важна для КНР. Ослабляющим энергетическую безопасность страны китайские аналитики считают тот факт, что 70% поставок сырой нефти в Китай идет из нестабильных регионов Ближнего Востока и Африки. В этой связи на Россию возлагаются самые большие надежды – довести российский нефтяной поток до 20% всей импортируемой в КНР сырой нефти с перспективой возрастания этого объема. Важно, что китайская сторона считает характер этого направления стабильным и надежным.

Перед двумя странами открыты широкие перспективы сотрудничества в области авиастроения, освоения космического пространства, нанотехнологий, деревообработки, транспорта, связи, поставок военной техники и многих других.

Заметным фактором активизации двусторонних связей является расширение межрегионального сотрудничества субъектов Российской Федерации и китайских провинций. В сентябре 2009 г. была одобрена Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.). Главы стран подписали ее в Нью-Йорке, а в октябре 2009 г. председатель правительства России В.В.Путин, находясь с визитом в Китае, обсудил аспекты сотрудничества в рамках этой программы. На взгляд некоторых аналитиков, данная программа – глубокая ошибка российских властей.

В соответствии с программой, предполагается совместная разработка месторождений широкого спектра полезных ископаемых на территории России и вывоз их в Китай, где планируется развитие обрабатывающей промышленности. Сотрудничество будет проходить по схеме «наше сырье – ваши технологии». Объясняется это тем, что в Сибири и на Дальнем Востоке нет условий для создания перерабаты-

вающей промышленности и внедрения высоких технологий, так как отсутствуют трудовые ресурсы, а также необходимая инфраструктура.

В разработке месторождений предполагается участие китайских рабочих, для которых будут созданы поселения. Планируется наладить транспортное сообщение: Китай со своей территории построит автомагистрали к перерабатывающим предприятиям на территории России; предполагается организовать авиарейсы: Далянь – Хабаровск, Далянь – Иркутск и так далее.

Сотрудничество в рамках указанной программы не может быть равноправным ввиду значительной разницы в экономическом развитии стран: в Китае ВВП во втором квартале 2009 г. вырос на 8%, в России понизился на 10%. Сокращение численности российского населения в Сибири и на Дальнем Востоке на фоне увеличивающейся китайской миграции рабочих может привести к значительным перекосам в этнической структуре населения не в пользу России. Если программа будет реализована в полной мере, то это приведет к тому, что экономика Дальнего Востока прочно интегрируется в экономику Китая, причем на реальной основе функционирования территориально-производственных комплексов.

В целом курс на равноправное доверительное партнерство сейчас и на стратегическое взаимодействие в XXI в. – объективная потребность двух государств. В то же время российско-китайские связи на региональном уровне не совсем соответствуют той структуре отношений, которые создаются на центральном уровне.

Для поддержания нормальных двусторонних отношений необходимы, прежде всего, реализм и взаимосвязь интересов собственных и своего партнера. От сотрудничества с КНР в немалой степени зависят будущее России и судьба ее дальневосточных территорий. Сегодня интересы России и Китая совпадают в стремлении обеспечить благоприятный внешний климат для проведения внутренних реформ.

С другой стороны, рынок Дальнего Востока наиболее благоприятный для извлечения экономической выгоды в интересах развития приграничных провинций северо-восточного Китая. С этой целью КНР

и впредь будет стремиться завоевывать новые позиции на российском рынке.

Определяя место и роль России, которые Китай отводит в своей системе безопасности, стоит отметить следующие очевидные моменты:

1) Россия в настоящее время является важным стратегическим партнером Китая в обеспечении международной безопасности и стабильности для создания благоприятных условий в реализации его планов «мирного возвышения» и противостояния США на международной арене;

2) Россия – важный партнер по противодействию нетрадиционным угрозам безопасности Китая, в частности в области обеспечения энергетической безопасности, как крупнейший поставщик нефти и газа;

3) В связи с планами реализации «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики на 2009–2018 гг.», одобренной в сентябре 2009 г. Ху Цзиньтао и Д.А.Медведевым, Россия – перспективный партнер в укреплении экономической безопасности Китая;

4) Россия до сих пор является целевым рынком Китая в поставках рабочей силы, позволяющих снижать внутреннюю безработицу, а значит и смягчать социальную напряженность в КНР.

На ближайшую и среднесрочную перспективу Китай и Россия могут тесно сотрудничать в вопросах поддержания международной безопасности и стабильности на благо развития собственных экономик и обеспечения благоприятных условий для жизни и процветания населения своих стран.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

12 мая 2010 года исполняется год со дня утверждения Указом Президента Российской Федерации «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». Что изменилось за прошедший год в понимании проблем экономической безопасности России? Попытаемся приблизиться к ответу на этот вопрос, анализируя его составляющие в следующей последовательности: степень критичности проблем безопасности, подходы к ее определению, российская специфика в доминирующем подходе, региональный аспект безопасности, лингвистические средства ее обеспечения, вектор безопасного развития самого восточного региона страны.

Степень критичности проблем безопасности

Изменилась оценка степени критичности этих проблем, причем изменилась в сторону понижения. К такому выводу ведет сравнение оценок, заложенных в трех последовательно принимаемых по времени документах: Концепции национальной безопасности 1997 года, Концепции 2000 года и Стратегии 2009 года. Если ассоциировать содержание этих документов с определенными цветами, то Концепция 1997 года – документ, который должен находиться в черной папке, насколько явно в нем выражена тревога и беспокойство за судьбы нации. Ощущения от констатации падения производства, роста внешнего долга, нарастающего научно-технического отставания, «появления больших по протяженности неохраемых участков границы» можно передать только через черный цвет.

Концепция 2000 года – это документ для голубой папки. Алармистские оценки внутреннего состояния России уже убраны. Крупнейшая страна, огромный потенциал социально-экономического

¹ Фокин Николай Иванович, заведующий Кафедрой экономики и финансов стран АТР Восточного института Дальневосточного государственного университета, профессор, кандидат экономических наук

развития, важная роль в глобальных процессах – такие характеристики России настраивают на спокойную тональность и деловой лад, что и связано с голубым цветом.

Стратегия 2009 года – принципиально иной документ. Один только факт – в нем заявлено, что через 5 лет (к 2015 г.) российская экономика войдет в пятерку крупнейших экономик мира. Несомненно, это документ для оранжевой папки, поскольку оранжевый цвет – цвет уверенности и достойной самооценки.

От страны с «большими по протяженности неохраяемыми участками границы» (1997 г.) до пятой державы мира (2015 г.) и всего за менее чем за два десятилетия – такого в мировой истории еще не было. И если этот путь будет пройден, то он по праву может быть назван русским экономическим чудом.

Подходы к определению безопасности

Изменяются контуры подходов к пониманию экономической безопасности. Намечается переход от «отождествляющего» подхода к «конституирующему».

В соответствии с «отождествляющим» или «синонимичным» подходом понятие «экономическая безопасность» – не самостоятельное и зависимое понятие. Его содержательное поле уже занято другими понятиями. Экономическая безопасность – это синоним таких понятий как конкурентоспособность и устойчивое развитие национальной экономики.

Степень распространенности «отождествляющего» подхода. Подход популярен в западной экономической литературе. Понятия «экономическая безопасность» нет в словарях по экономике. «Синонимичного» подхода придерживаются и эксперты в области национальной безопасности. Суть позиции – экономическую безопасность адресовать рынку. Добавление экономической составляющей к стратегии национальной безопасности затрудняет ее разработку и реализацию. Экономическая безопасность – «неудачная выдумка (folly) для национальной безопасности».

В соответствии с «конституирующим» или автономным подходом понятие «экономическая безопасность» не имеет синонимов и

ни к одному из ранее известных понятий не сводится. Оно конституирует, то есть отражает проблему до этого ни одним понятием не зафиксированную. Экономическая безопасность – это защищенность от угроз. Защищенность кого? Личности, общества, государства. Что понимается под угрозой? Возможность нанесения ущерба.

Степень распространенности «конституирующего» подхода. Подход получает все большее распространение в русскоязычной экономической литературе и знаковых документах Российского государства. Понятие «экономическая безопасность» появилось в словарях по экономике. Под этим названием разработаны учебники и соответствующие учебные курсы. Это же название появилось и в паспорте специальности Высшей аттестационной комиссии.

Российская специфика: какой подход доминирует?

В российских реалиях все большую экспертную и политическую поддержку получает «конституирующий» подход к экономической безопасности. Главных причин три. Историческая память: развал СССР, проблемы национального выживания в 90-х годах генерируют такие понятия как «экономическая безопасность». Электоральный потенциал: политическая лексика, связанная с укреплением безопасности, вызывает благодарный отклик избирателей. Коммерциализация проблемы: борьба за укрепление безопасности породила бренд под названием «безопасность», и этот бренд можно использовать в коммерческих целях через всевозможные гранты, проекты, фонды, центры.

Однако с доминированием конституирующего подхода в базовых документах по безопасности не все так просто. Какой поход проявляется в Концепциях и Стратегии национальной безопасности России? Первоначально – «отождествляющий». Понятия «экономическая безопасность» нет в Концепции 1997 года и в Концепции 2000 года. В этих документах оно сводится к понятию «устойчивое развитие». Лейтмотив – национальная безопасность возможна только на основе устойчивого развития. Но в Стратегии 2009 года понятие все же появляется.

Особенности понятия «экономическая безопасность» в Стратегии национальной безопасности России 2009 года.

Первая – содержательная неопределенность понятия. Возможно, считается, что содержание понятия самоочевидно.

Вторая особенность понятия – сползание к «отождествлению», но уже более высокого уровня. В контексте подразумевается, что экономическая безопасность – это и есть национальная безопасность. Такое «сползание» наиболее полно проявляется в 112 статье Стратегии, которая раскрывает характеристики национальной безопасности для ее оценки. Из предлагаемых 7 показателей оценки 5 – экономические. В порядке очередности: безработица, разрыв в доходах, инфляция, долг, объем ресурсов на социальную сферу. Такой выбор показателей свидетельствует о повышении статуса экономической безопасности как концепции и реальной проблемы. И этот же выбор оказался обременен новыми вопросами. Важнейшие из них, на наш взгляд, можно объединить в два блока – региональный и, как это не удивительно, лингвистический.

Региональный аспект безопасности

Региональный блок – это вопросы о региональной компоненте экономической безопасности России и, в том числе, о безопасности российского Дальнего Востока.

Стратегия, в отличие от предшествующих ей Концепций национальной безопасности России, уже не содержит даже упоминания об Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это обстоятельство, преднамеренно или нет, но усиливает позиции сторонников «властно-полномочного» подхода к оценке экономической безопасности в региональном аспекте. В соответствии с ним у власти, в первую очередь федеральной, есть все полномочия для решения проблем российского Дальнего Востока. Если же они не решаются, а напротив, накапливаются, то виновата сама власть. Соответственно, главная угроза региональной безопасности – это действия самой власти.

Насколько распространен «властно-полномочный» подход? На наш взгляд, его сторонники доминируют в экспертном сообществе. Какими выводами заканчивается большинство исследований дальневосточной проблематики? Выводами об инерционном подходе Москвы, «евроориентации» центра, его страхе перед дрейфом российского

Дальнего Востока в сторону АТР. Нередкий рефрен в исследованиях самих дальневосточников – «Москва далеко, оттуда не все видно».

«Властно-полномочный» подход допустим исключительно в той мере, в какой федеральный центр допускает ошибки и просчеты в региональной политике. Но списать все региональные проблемы на центр, на отсутствие политической воли центра – эффективный, но не самый эффективный путь осмысления проблем региональной безопасности. Такой подход может выполнять лишь вспомогательную роль. Определяющим должен быть другой подход. Назовем его позитивным.

Позитивный подход, как следует из этимологии слова «positive», характеризуют два положения. Первое – он исходит из фактического состояния экономической безопасности региона. Второе – он исключает выставление оценок действиям того или иного института власти. Другими словами, позитивный подход позволяет выделить опасности, устранение которых за пределами возможностей центра. Но эти опасности федеральные власти могут идентифицировать, квантифицировать, учитывать и исключительно в этом смысле – управлять ими.

Первая опасность – лимнологическая (лимнология – наука о границе). Граница – не природный, не географический, не раз и навсегда извне заданный феномен. Граница – это экономический институт. И он должен объясняться в рамках экономического анализа. Суть объяснения – соотношение выгод и издержек протяженной границы (большой территории). Но зависят ли они от Москвы?

Вторая опасность – «дискриминационно-интеграционная». Включенность в АТР – это региональная дискриминация. Региональная интеграция – это всегда экономическая дискриминация. Дискриминация – это неизбежные негативные последствия. Для кого? Для тех участников интеграционного процесса, кто технологически отстает от других. Вывод – вначале инновации, затем интеграция. Зависит ли этот вывод от Москвы?

Третья опасность – опасность «гетерогенности». Гетерогенность – разнообразие типов. У нас огромная территория, разнообразие культур, национальностей, языков, разброс в уровне доходов, сложно-

сти исторических судеб. У гетерогенности есть издержки, потому что, если говорить просто, «всем не угодишь». В результате все больше людей не удовлетворены политикой центра в отношении перераспределения доходов, доступности благ, тарифного регулирования, уровня инфраструктуры. В условиях интеграции издержки гетерогенности растут. И с этим явлением федеральный центр ничего сделать не сможет.

Лингвистический фактор экономической безопасности

Лингвистический фактор – это блок вопросов о лингвистических средствах обеспечения экономической безопасности. Они особо выделены в Стратегии в контексте сбора, формирования, обработки передачи информации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению. Но эффективно ли они работают в самой стратегии? На наш взгляд, недостаточно эффективно.

Критическое, с учетом новых реалий, осмысление Стратегии приводит к вопросу о допустимых, то есть "безопасных" пределах терминологической размытости. О национальной безопасности, также как о свободе и демократии, следует говорить своими словами. Своими – вовсе не означает исключительно русскоязычными и без заимствований. Своими – означает отражающими национальный дух и суть проблемы.

Например, Стратегия раскрывается через такие понятия как угрозы и вызовы. Проблема даже не в том, что эти понятия содержательно не разведены. Проблема в том, что безопасность, как следует из составных частей самого слова, можно раскрыть только через понятие «опасность». Однако об опасностях для России в Стратегии национальной безопасности – ни малейшего намека. Но что нас больше должно беспокоить – высказанное намерение нанести вред (угроза) или вероятность понести потери в результате процессов, которые мы сами и инициировали (опасность)?

Тонкость и в том, что уровень опасности как уровень риска положительно влияет на темпы экономического роста. Самая большая опасность – уклоняться от опасности. Не случайно: древнерусское слово «опасный», происходящее от слова «пасти», означает осмотри-

тельный, осторожный. Поэтому требуется опасности идентифицировать, приблизиться к ним, параллельно решая задачу их страхования или хеджирования.

Какое значение имеют лингвистические средства? Определяющее, хотя бы уже потому, что «в начале было Слово». И Слово не только отражает, не только творит жизнь, но и формирует будущее. Убедительный тому пример – проблематика соотношения названий российский Дальний Восток и Тихоокеанская Россия.

Российский Дальний Восток или Тихоокеанская Россия: где мы будем?

Понятие «Тихоокеанская Россия» все более активно входит в научный и практический оборот, в политико-экономическую лексику. Оно не только в содержании, оно уже и в названии научных монографий и статей, стратегий и программ социально-экономического развития региона. Недавно изданные книги губернатора Приморского края С. Дарькина и директора академического института профессора В. Ларина – тому подтверждение. Возникает вопрос – вытесняется ли привычное название нашего региона – российский Дальний Восток? И если «да» – то, что из этого следует?

Обращение к Интернет-ресурсам дает утвердительный ответ на первый вопрос. Более того, в англоязычном «Google» вытеснение уже произошло – страниц с материалами о Тихоокеанской России на порядок больше, чем о российском Дальнем Востоке.

Утвердительный ответ дает и обращение к молодежной аудитории региона. Среди студентов-восточников ДВГУ (экономистов) 85 процентов убеждены не только в перспективности «тихоокеанского» названия, но и в том, что они уже живут в Тихоокеанской России.

Что из этого следует? Возможны два ответа: «нейтральный» и «формирующий».

«Нейтральный» ответ исходит из того, что само по себе название мало на что влияет. Все зависит от содержания, которое в него вкладывается. Поэтому оба названия можно рассматривать как содержательно равнозначные. Если и есть отличие, то не принципиальное. Оно идет по линии – название привычное и устоявшееся (российский

Дальний Восток), и название относительно новое и менее заштампованное (Тихоокеанская Россия).

«Формирующий» ответ исходит из того, что, как уже было отмечено, Слово формирует будущее. Иначе, перефразируя известное морское выражение – «как регион назовешь, таким курсом он и будет развиваться».

Если по курсу будет российский Дальний Восток, то доминанта будущего региона – это внутрirosсийская интеграция, включенность во внутреннее экономическое пространство России. Но российский ли Дальний Восток по курсу развития нашего региона?

Ответ – отрицательный. Уровень интегрированности региона в экономическое пространство России за последние два десятилетия резко упал. Региональная экономика дезинтегрируется. Об этом свидетельствует главный показатель интеграции – цены на одни и те же товары и ресурсы. Выравнивания не происходит. Его и не должно быть в условиях, при которых только 5% валового регионального продукта поставляется на внутренний рынок России. Двадцать лет назад эта доля была в 16 раз выше. Высокие энергетические тарифы (на 40% выше), колоссальные транспортные расходы выталкивают Дальний Восток из механизма внутри российских рыночных отношений.

Какое же будущее по курсу у Тихоокеанской России? Будущее с доминантой внешнеэкономической интеграции, с включенностью в азиатско-тихоокеанские экономические связи. Но «тихоокеанский» ли курс в настоящее время у нашего региона? И да, и нет.

Да, если учесть возросшие объемы международной торговли, инвестиций и самую высокую мобильность приграничного населения. Если в России свобода перемещаться через границу принадлежит только 6 процентам граждан – счастливым обладателям загранпаспортов, то на юге нашего региона их доля на порядок выше. Из 10 взрослых жителей юга нашего региона в Китае побывали 6, в Японии и Южной Корее – 2. Сколько из них посетили европейскую часть страны – статистика не проясняет, но думается, что значительно меньше. Но для нас это и есть ощущение Тихоокеанской России.

И все же, если мы еще и движемся в направлении Тихоокеанской России, то скорость движения явно замедляется. Сказывается действие дезинтеграционных факторов. Природно-ресурсный потенциал интеграции – в значительной степени выбран и уже не мотивирует. Общая история (и особенно ее интерпретация) – разъединяет. Уровень взаимного доверия в АТР и особенно в Северо-Восточной Азии – все так же низок. Сила инерции – по-прежнему велика. Пессимизм большинства экспертов по перспективам тихоокеанской интеграции России – нарастает. Уже и не верится, что по историческим меркам совсем еще недавно были мечты превратить северную часть Тихого океана в Русское море.

Движение в направлении превращения российского Дальнего Востока в Тихоокеанскую Россию вызывает немало вопросов. Из необходимости установления оптимальных пределов такого превращения и должны исходить Стратегия безопасности, новая региональная политика и новый, посвященный развитию нашего региона, национальный проект. Какое название определит и сформирует будущее региона? Российский Дальний Восток? Тихоокеанская Россия? Российский Восток? Какое-то еще? Пришло время для поиска ответа на эти вопросы. Пришло время придать им статус вопросов национальной безопасности.

Вопрос «Где мы будем?» – это вопрос «Кем мы будем и будем ли в безопасности?». Будем же мы, в зависимости от ответа, или обитателями некоей территории с размытым субъектным статусом и с все более неопределенным и в этом смысле – опасным будущим, или гражданами успешной страны, живущими в одном из ее экономически перспективных и безопасных регионов.

Мишин В.Ю.¹

ПРОБЛЕМЫ ОБОРОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В сфере национальной обороны для Вооруженных Сил (ВС) России с точки зрения их функционального предназначения, направленности, характера реформирования и решения текущих задач принципиально важным является то, как государство определяет национальные интересы в военной сфере.

В статье 29 новой редакции «Стратегии национальной безопасности РФ» говорится, что государственная политика в области национальной обороны и военного строительства, в том числе в рамках союзного государства, на долгосрочную перспективу нацелена на совершенствование ВС РФ, других войск, воинских формирований и органов, призванных при любых условиях развития военно-политической обстановки обеспечить безопасность, суверенитет и территориальную целостность государства.

На мой взгляд, более конкретно политика была определена в «Концепции национальной безопасности» 2000 г., в которой отмечалось, что национальная безопасность в военной сфере заключается «... в защите независимости, суверенитета, государственной и территориальной целостности, в предотвращении военной агрессии против России и ее союзников, в обеспечении условий для мирного, демократического развития государства»².

В новой стратегии отмечается, что несостоятельность существующей глобализации и региональной архитектуры ориентированной (особенно в евроатлантическом регионе) только на Организацию Североатлантического договора, а также несовершенство правовых инструментов и механизмов все больше создают угрозу обеспечению международной безопасности. О сложности и проблемах национальной

¹Мишин Валерий Юрьевич, заведующий Центром региональной безопасности ИИАЭ ДВО РАН

²Концепция национальной безопасности Российской Федерации (январь 2000 г.)

безопасности в дальневосточном регионе практически ничего не говорится. Лишь в двух случаях, в слишком обобщенном виде, как и всё содержание нынешней стратегии, применительно к Тихоокеанской России указывается, что «негативное воздействие на международную обстановку в среднесрочной перспективе будут по-прежнему оказывать ситуация в Иране и Афганистане, конфликты на Ближнем и Среднем Востоке, в ряде стран Южной Азии и Африки, на Корейском полуострове»³, а «решение задач обеспечения безопасности государственной границы Российской Федерации будет достигаться за счет создания высокотехнологичных и многофункциональных пограничных комплексов, особенно на границе с Республикой Казахстан, Украина, Грузией и Азербайджанской Республикой, а также повышение эффективности охраны государственной границы, в частности в Арктической зоне РФ, на Дальнем Востоке и Каспийском направлении»⁴.

Судя по тексту, проблемы российского Дальнего Востока и Тихоокеанской России никак не представлены в оборонной составляющей новой стратегии.

А ведь именно в этом регионе опасность военной конфликтности очень высока. На границах Тихоокеанской России со стороны Северной Кореи и Китая сосредоточены две величайшие по численности армии: более 2 млн. чел. Народно-освободительной армии Китая (НОАК) и более 1 млн. чел. Корейской народной армии (КНА). В 200-х км от Приморского края на северокорейских полигонах проводятся испытания ядерного оружия и его ракетных средств доставки.

Известный печатный орган Индии «The Telegraph» в своем материале «Русские скоро кончатся» (17.07.09 г.) прогнозирует: «Обширный участок территории между озером Байкал и Владивостоком может в предстоящее десятилетие превратиться в новый театр конфронтации между Россией и Китаем. Хотя они создали тактический альянс, но между ними существует и напряженность из-за Дальнего Востока. Величайшим достижением В. Путина, ныне занимающего

³Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (май 2009 г.)
// <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>

⁴Там же

пост премьер-министр, стало то, что он восстановил власть Кремля, возродив мощь государства. Но насколько она прочна и долговечна на Дальнем Востоке? Если говорить серьезно, то Китай вряд ли будет вторгаться в пустынные земли к северу или пытаться насильно присоединить их к себе. Такого же результата можно добиться тайком благодаря потоку китайских иммигрантов и инвестиций в этот регион. России грозит перспектива утраты контроля над восточной третью своей территории сантиметр за сантиметром»⁵.

Отдельные специалисты-исследователи могут заявить, что Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г. является базовым документом, как указано в ст. 4 «Общих положений», а конкретные меры по укреплению обороноспособности страны, и в том числе Дальнего Востока, должны быть определены в новой военной доктрине. Однако при внимательном изучении этого документа вновь конкретика не прослеживается. С натяжкой к проблеме оборонной составляющей Тихоокеанской России можно отнести пункт «г» гл. 51 «Основные приоритеты военно-политического сотрудничества», где указывается, что «с государствами ШОС будет продолжена координация усилий в интересах противодействия новым военным опасностям и военным угрозам на совместном пространстве, а также создание необходимой нормативно-правовой базы»⁶.

Как мы видим, опять нет никакой конкретики. На Западе этот документ уже назвали компромиссом между традиционалистами и реформаторами.

Возвращаясь к рассматриваемой теме, можно полагать, что стратегию национальной безопасности и подобные ей новые концептуальные документы составляли представители разных ведомств, причем далеких от науки. Это прослеживается в основном бюрократическом принципе «Инициатива наказуема исполнением», а исполнять, да еще и применительно к далекой российской окраине, ни у кого в Центре желания нет.

⁵ Почему непоседливые китайцы тепло относятся к холодному востоку России // <http://www.inosmi.ru/world/20090717/250823.html>

⁶ Военная доктрина Российской Федерации (февраль 2010 г.) // http://news.kremlin.ru/ref_notes/461

В этом и суть проблемы, о которой мы неоднократно говорили и говорим на наших «круглых столах», – дефицит взаимопонимания и сотрудничества между властью и наукой.

И пока этот дефицит умышленно сохраняется, Россия в своем развитии будет топтаться на месте и иметь подобные стратегии не как программу действий, а как банальные пропагандистские отписки.

Свое выступление хочу закончить словами заведующего аналитическим отделом Института политического и военного анализа Александра Храмчихина: «Для того, чтобы концепция национальной безопасности страны адекватно отражала ситуацию, необходима власть, которая, во-первых, способна осознать национальные интересы (а не заменять их химерами), во-вторых, поставить эти интересы выше своих личных и корпоративных интересов. Либо общество должно осознать свои интересы, тождественные национальным интересам, и выбрать себе ту власть, которая будет готова эти интересы реализовывать. Конечно, данные условия представляются откровенно фантастическими, но по-другому все равно не получится»⁷

⁷ Александр Храмчихин. Совбез озаботился национальной безопасностью // http://nvo.ng.ru/forces/2009-01-16/1_sovbez.html

Герасименко А.П.¹

МЕСТО И РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

Информационная безопасность как понятие и как часть стратегии национальной безопасности страны в документе под названием “Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г.” отсутствует. Москва считает, что в этом нет необходимости. Хотелось бы отметить, что стиль написания данного документа напоминает директиву КПСС и отражает, как мне кажется, менталитет мышления власти почившего двадцать лет назад Советского Союза. Создается такое впечатление, что документ предназначен для чиновников как руководство для доведения маргинальным слоям политики партии и правительства. В советский период понятие «информационная безопасность» отсутствовало, это и понятно. В условиях тоталитарного режима мыслить все должны были одинаково, по одной заданной идеологами коммунизма схеме. В условиях же свободы личности, идеологического и религиозного плюрализма, развития демократии и открытости информационная безопасность становится важнейшим фактором общественного развития. Сочетание “информационная безопасность” упоминается в Стратегии только один раз в п. 109 и касается совершенствования безопасности функционирования телекоммуникационных систем, то есть относится к решениям технических вопросов защиты информации и каналов передачи данных. Между тем понятие “информационная безопасность” в современном глобализирующемся мире означает формирование информационного поля, способствующего созданию условий гармоничного развития социальной среды.

Исследователи информационных процессов в обществе пишут, что геополитический облик мира будет определен на основе нового передела зон влияния, прежде всего в информационной сфере. И в настоящее время, можно отметить, что в мире имеет место следующая

¹ Герасименко Александр Павлович, заведующий Отделом информационных технологий ИИАЭ ДВО РАН

тенденция: более развитые страны отличает преобладание исходящего информационного потока².

Роль информации в Стратегии отмечена в нескольких контекстах, например в п.52 в контексте обеспечения доступности информации для повышения качества жизни российских граждан. Необходимость формирования информационной инфраструктуры отмечена в п.62 как фактор экономического роста. О создании территориально распределенных информационных фондов как условия обеспечения национальной безопасности в сфере культуры, указано в п.79. Как информационная основа Стратегии выделены привлечение государственных информационных ресурсов, гармонизация национальной информационной инфраструктуры с глобальными информационными сетями и системами. Однако при этом отсутствует сама концепция построения информационного поля как инструмента формирования общественного мнения как в России, так и за рубежом.

И это не удивительно, так как непонятно, что должна нести Россия миру, какие идеи развития общества предлагаются, какие ценности исповедуются, какие гуманитарные задачи эта большая страна призвана решать в многополярном мире. Общий контекст исследуемой нами Стратегии национальной безопасности страны показывает, что Россия замкнута в самой себе и занимается решением своих внутренних проблем, и что стратегическая стабильность базируется на ее ядерном арсенале и сырьевых ресурсах. То есть, Россия, базируясь на идеологии прагматического потребления, в настоящее не может предложить ни своим гражданам, ни миру новой гуманитарной стратегии совместного проживания, соответственно оставаясь в глазах соседей территорией пережитков тоталитаризма, с непредсказуемой политикой, непонятной экономикой, где все может случиться. В отличие от российской, текст Стратегии национальной безопасности США от 2002 г. начинается словами: «Великие битвы XX века между идеалами свободы и тоталитаризмом завершились решающей победой сил свободы и выживанием единственной жизнеспособной модели, позволяющей

² Фролов Д.Б. Информационная геополитика и вопросы информационной безопасности. Национальная безопасность. №1. 2009. С.73-74

обеспечить процветание нации: свободы, демократии и свободного предпринимательства”³. А в ее содержание внесены такие направления, как поддержка стремления людей к обеспечению уважения своего достоинства, стремление положить начало новой эре глобального экономического роста путем развития свободных рынков и свободной торговли, расширение круга стран, вставших на путь развития, способствуя достижению большей открытости их обществ и созданию инфраструктуры демократии. Также представлена задача трансформации американских институтов в области национальной безопасности с учетом задач и возможностей XXI в.⁴

Очевидно, что современная российская внешняя политика, а значит и информационная политика должны строиться в несколько другом ракурсе, чем ранее. И особенно это относится к Дальнему Востоку России, громадному по территории и малозаселенному региону. Его будущее, как части страны, как части национального и культурного пространства зависит и от информационной политики государства, осуществляемой прежде всего в русле обеспечения национальной безопасности.

В чем состоят основные задачи в области информационной безопасности дальневосточного региона? По моему мнению, главное – это решение задачи адаптации и закрепления на территории несущих элементов российской культуры, основным из которых является русский язык. Конечно, базовым условием этого является поддержание или удержание в регионе необходимого минимума русскоязычного населения, и не просто населения, а населения с высоким уровнем образования, в том числе и гуманитарного.

В настоящее время именно культура должна стать основой поддержания российской государственности в этом отдаленном регионе, так как ни в экономическом, ни в политическом, ни в военном плане мы не оказываем здесь серьезного влияния, конечно, не считая того

³Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов Америки (сентябрь 2002 г.)
// <http://merln.ndu.edu/whitepapers/USNSS-Russian.pdf>

⁴ Там же

факта, что Россия является обладателем большого количества ядерного оружия, доставшегося по наследству от СССР.

На Дальнем Востоке должна быть сформулирована и реализована своя специфическая стратегия информационной безопасности. В чем, на мой взгляд, заключается ее специфика?

1. Россия сможет закрепиться в этом регионе, сохраняя свою национально-культурную идентичность, только в условиях проведения активной, если не сказать агрессивной информационной политики целенаправленного продвижения в среде восточноазиатских соседей информации о российской культуре и языке. Этот процесс можно назвать формированием, своего рода “уголка национальной культуры” России в среде национальных культур стран Восточной Азии.
2. Необходимо выработать концепцию, если можно так сказать, великой гуманитарной миссии современной России в Восточной Азии и АТР, как теоретическую и идеологическую основу формирования положительного имиджа России, а также организовать промоушен русской и православной культуры как основы добра и справедливости. Если такой концепции в России не существует, то ее надо придумать.
3. Для поддержания социальной и политической стабильности в регионе, региональная власть, научно-просветительские структуры и общество должны генерировать информационное поле, в котором российская территория объявляется как исконно российская и русскоязычная, но мультикультурная, мультиконфессиональная, многонациональная, политически и экономически стабильная социальная среда.

Указанная стратегия может быть реализована с использованием уже существующих методик. Это выделение отдельного телевизионного канала и создание информационного портала, работающих на языке страны соседа по региону. Создание российских информационно-образовательных центров в ближнем зарубежье. Организация на базе, например федерального университета, бесплатных курсов русского языка и русской культуры для иностранцев. Организация на

дальневосточной территории серии регулярных информационных мероприятий для иностранного бизнеса, работников структур образования, студентов и т.д.

Примером использования подобной методики является русскоязычный телевизионный канал китайского телевидения CCTV. Этот проект, направленный на россиян имеет 7 новостных каналов, 17 разноплановых информационных передач, видео- и фотоматериалы, хорошо оформленный интернет-портал с видеотрансляцией передач и набором ссылок⁵. Программа передач построена на принципах уважения и толерантности, отсутствия агрессии и резких оценок, доминирования информации о КНР, позитивного освещения решений руководства Китайской Народной Республики.

Подводя итог своему краткому выступлению, хотелось бы сказать, что в условиях серьезного экономического отставания, политической неопределенности, культурной стагнации на российском Дальнем Востоке, грамотно построенная информационная политика, наряду с экономическими и миграционными мерами, является основой национальной безопасности в региональном измерении.

⁵ <http://russian.cctv.com/01/index.shtml>

СОКРАЩЕННАЯ СТЕНОГРАММА ДИСКУССИИ НА «КРУГЛОМ
СТОЛЕ»

Ларин В.Л.: Уважаемые коллеги, мы уложились в положенное время, и у нас осталось еще около 45-50 минут на дискуссию. У меня возник первый вопрос, необходима ли концепция обеспечения безопасности в Восточных районах России и Тихоокеанской России.

Кожевников А.Е. (к.и.н., декан факультета Китаеведения ВИ ДВГУ): А можно сразу дополнить и уточнить, кому она нужна.

Ларин В.Л.: Хороший вопрос! Пожалуйста, коллеги у кого есть вопросы? Я хотел бы задать сразу вопрос Михаилу Александровичу. Вы упомянули о том, что Россия это региональная держава, а в каком регионе она региональная: в Европе или Азии?

Лапин М.А.: Я думаю, и в Европе и в Азии.

Ларин В.Л.: Когда мы говорили о Китае и Японии, то было совершенно понятно, в каком регионе они являются региональными державами. С Россией же вопрос сложнее.

Кожевников В.В.: Я думаю, нигде.

Песцов С.К.: Необходимо смотреть на масштаб влияния.

Приходько А.А. (депутат Думы г. Владивостока): Очень приятно присутствовать среди ученых мужей, и хотел бы начать комментарий с анекдота, который я услышал от бывшего начальника финансов ТОФа, работающего сейчас в Думе: «Спрашивают: победит ли когда-нибудь двухмиллионная китайская армия нашу российскую армию? Все подняли руки и сказали: «Нет!». Почему? А они ее просто не найдут!». То, что сегодня было представлено на круглом столе, подтверждает те страхи, которые высказывают военные.

Ларин В.Л.: Радует то, что китайцы, по крайней мере, и искать нашу армию не будут. Пожалуйста, коллеги, ваши вопросы, комментарии? Сергей Константинович, пожалуйста.

Песцов С.К. (декан факультета политических наук ТИПП ДВГТУ, д.и.н.): Во-первых, если взглянуть на Россию извне, с позиций остальных государств, то выступающие продемонстрировали, что Россия благодаря позициям, занимаемым в регионе и мире, не восприни-

мается в качестве угрозы. Интерес к России не только периферийный, но и конъюнктурный. Обе эти составляющие вполне понятны. Россия сейчас необходима в регионе только потому, что в некоторой степени умеет выстраивать диалог с северокорейцами на нормальном языке и обеспечивать коммуникацию с ними. Как только эта проблема будет решена, наше место в регионе останется за скобкой. Но я бы не стал говорить, что это совсем плохо. На самом деле, если нас не воспринимают как угрозу, то это означает, что перед нами открывается больше возможностей. Другими словами, мы можем участвовать в разных конфигурациях и взаимодействовать с разными игроками, не будучи отягощенными пристрастными взглядами. Исходя из докладов выступающих, я бы определил нашу стратегию в регионе, как «маневр между...», а дальше можно выбирать, между кем: между Японией и Китаем, между Китаем и США и так далее. Во-вторых, когда мы начинаем говорить о национальной безопасности и включаем туда все аспекты, то само понятие теряет смысл, в результате получается «Стратегия жизнедеятельности», которая охватывает все аспекты. На мой взгляд, необходимо сузить и конкретизировать это понятие. Из всего, о чем мы здесь говорили, сердцевиной национальной безопасности должна быть военная доктрина, поскольку, я здесь согласен с Виктором Лаврентьевичем, важнейшей задачей национальной безопасности является физическое выживание государства. Прочие аспекты лишь расширяют проблематику национальной безопасности и отвечают на вопрос, насколько все остальные параметры обеспечивают реализацию или возможность реализации военной доктрины. Когда мы говорим о военной доктрине, то здесь мы должны учитывать географию и определять основных противников. Я часто спрашиваю своих студентов, кто основной противник России в настоящее время. Они, не задумываясь, отвечают «США». Как так? Ведь мы же никогда с ними не воевали, в свое время были союзниками, мы с ними не граничим, у нас нет никаких серьезных разногласий. В то же время Китай граничит с нами, имеет огромную армию, экономика развивается, мы с ними воевали и т.д. И он считается нашим лучшим другом!? Совершенно очевидно, что студенты не сами сформировали такое представление о потенциальном

противнике, а оно создано пропагандой, которая ведет к самообману. Я не говорю о том, что Китай нападет на нас завтра, но география и реальные факты должны говорить нам о том, что мы должны быть готовы ко всему. Национальная безопасность – что-то похожее на матрешку, то есть она должна быть, с одной стороны, содержательной и многоуровневой, с другой, пространственной, так как Россия - огромная страна. С этой точки зрения, АТР приобретает большее значение, поскольку реальных военных угроз с Запада, несмотря на расширение НАТО, гораздо меньше в силу большей стабильности и предсказуемости. По крайней мере, европейцев мы лучше понимаем, чем азиатов, как бы мы не исследовали и не изучали последних.

И, наконец, еще один аспект, который я хотел бы затронуть. Цели национальной безопасности – это, во-первых, физическое выживание государства, и, во-вторых, обеспечение благоприятного внешнего окружения для внутреннего национального развития. Здесь возможны две стратегии. Первая: мы замыкаемся и начинаем самостоятельно что-то делать. Другая стратегия: мы пытаемся создать благоприятное внешнее окружение, чтобы решать свои внутренние задачи.

Ларин В.Л.: Спасибо, Сергей Константинович. Я хотел бы сразу задать вопрос: вы говорите, что нам проще с европейцами, потому что мы их лучше понимаем. А другой вопрос, кто нас больше не любит: европейцы или азиаты.

Севастьянов С.В.: Азиаты обычно не говорят об этом.

Ларин В.Л.: Мы столько в последнее время услышали от наших лучших друзей: поляков, украинцев, белорусов даже, с которым мы чуть ли не родственники.

Песцов С.К.: Виктор Лаврентьевич, сегодня уже говорили, что если мы заключаем с Китаем соглашение о разделе по схеме «мы добываем ресурсы, они перерабатывают», то за что китайцев ругать. Ведь это у нас были отрицательные комментарии на этот счет, которые затем быстро исчезли, а с китайской стороны мнения были самые положительные. Например, мне с китайцем, корейцем или японцем труднее общаться, так как я не могу адекватно расшифровать код их поведения. Может быть, я во многих случаях правильно их понимаю,

но у меня всегда есть настороженность, что он может меня неправильно понять, или я могу его неправильно понять.

Семенихин Я.Н. (директор ОАО «ДНИИМФ»): Конечно, наш институт имеет больше не научный, а, скорее, хозяйственно-проектный характер. Тем не менее, у нас есть некоторые подразделения, которые решают проблемы, связанные с обсуждаемыми на круглом столе. Я категорически не согласен с предыдущим докладчиком в том, что в основе нашей национальной безопасности должна лежать военная доктрина. СССР отдавал ей приоритет. Где сейчас СССР? Мы проиграли экономически, нас победили изнутри. Но военной доктриной мы до сих пор продолжаем пользоваться как остатками нашего бывшего и прекрасного могущества. Мы были второй державой в мире, и я как капитан был горд, что представлял ее в других странах. Сейчас мои коллеги капитаны приниженные, жалкие и нищие, и они ничем уже не гордятся, поэтому ставить военную доктрину в основу национальной безопасности ошибочно, так как все-таки она является вспомогательным инструментом, а главной целью должно быть экономическое могущество. США – великая держава не потому что она больше всех продает оружия, а потому что продает больше всех продовольствия. У нас появилась возможность влиять на мир с помощью продуктов питания? Поэтому, я считаю, вставать на путь СССР очень опасно.

Второй момент, который был упомянут на круглом столе и который я хотел бы обсудить, – это путаница в понимании, что есть главное: стратегия, политика, доктрина, концепция и т.д. Она сейчас существует в таком многообразии понятий и зависит от того, кто начальник и кто это провозглашает. Заметьте, с каким удовольствием главы регионов и их собрания утверждают огромное количество стратегий развития тех или иных регионов. Очень бойкие и способные люди, в том числе имеющие отношение к науке, штампуют стратегии, и правительство удивительным образом все это одобряет. А на самом-то деле эти документы не работают. Они, правда, не работали и в СССР. Мы и сейчас продолжаем заниматься созданием стратегий. Мы утверждаем, что у нас инерционное, постиндустриальное развитие, но в ре-

зультате никакого развития нет. Посмотрите на Приморский край. В сегодняшних газетах губернатор С.М. Дарькин говорит, что Приморский край развивается за счет централизованного финансирования со стороны государства на атэсовские и постатэсовские проекты. А где та экономика, которая должна развиваться у нас в Приморском крае? Она же не развивается. А ведь это богатейшая территория, с которой многие регионы не могут сравниться. У нас нет концепции развития нашего региона, и мы продолжаем проигрывать. Дальний Восток со своими просторами – это море. Если вы почитаете газету «Транспорт» или зайдете на сайт Министерства транспорта, то по их информации у нас все хорошо обстоит с морским флотом. Дальневосточное пароходство, юбилей которого мы скоро будем праздновать, сегодня не является российской компанией. Контрольный пакет акций принадлежит русскому по национальности человеку, который, однако, находится в другом государстве. Получается, наши богатства фактически не принадлежат нам. Также и А.Д. Кириличев, который унаследовал большое Приморское морское пароходство, также не находится в России. Происходит замещение национальных интересов страны флагом других государств. Это имеет отношение к национальной безопасности или нет? В силу ряда обстоятельств мы помогли Администрации Приморского края подготовить к заседанию морской коллегии правительства в Мурманске план развития морского транспорта на Дальнем Востоке. При всей парадоксальности Дарькин выдвинул идею создания государственного морского пароходства. Эта идея была ликвидирована, хотя ее поддержали в свое время президент РФ и другие высокопоставленные чиновники, – ничего не было сделано для ее реализации. На сегодняшний момент Владивостокский морской порт на 50% принадлежит ДВМП, а по протоколу через определенный промежуток времени контрольный пакет акций ДВМП выкупит иностранный инвестор. Это не угроза утраты порта? Вот пример политики США. Когда крупный оператор Dubai Ports World, который скупает порты в Китае, Корее и в других странах, включая долю акций в Восточном порте в России, пытался скупить 6 портов в США, американский президент наложил вето на эту сделку, так как она угрожала национальной безо-

пасности. В России я не могу привести таких примеров. Я так и не могу ответить на вопрос, кто нам сегодня угрожает: внешняя обстановка или внутренняя неспособность к решению стратегических задач.

Ларин В.Л.: Спасибо, Ярослав Николаевич. Я сразу вспомнил, как в 1993 г. Явлинский четко сформулировал, что 90% угроз безопасности России возникает внутри Садового кольца. Юрий Алексеевич, пожалуйста.

Авдеев Ю.А. (директор Азиатско-Тихоокеанского института миграционных процессов, к.э.н.): Поскольку доклады и обсуждения на круглом столе вращаются, главным образом, вокруг определений и понятий, я, как один из авторов понятия «Тихоокеанская Россия», хотел бы обратить внимание на этот аспект. Тихоокеанская Россия, о которой говорится на круглом столе, по существу тождественна Дальнему Востоку – с изменением вывески существо не меняется. Когда мы предложили формулу «Тихоокеанская Россия», то под этим подразумевался прежде всего не экономический, демографический и любой другой потенциал Дальнего Востока. Впервые этот термин использовал Дарькин в своей монографии «Тихоокеанская Россия: стратегия, экономика, безопасность», я кинулся читать, посмотрел, нет, все-таки речь идет о Дальнем Востоке. Затем появилась монография Бакланова и Романенко о Тихоокеанской России, читаю, нет, опять же речь идет о Дальнем Востоке. И на круглом столе мы, в сущности, говорим о Дальнем Востоке. Поймите правильно, речь идет прежде всего о том, что Тихоокеанская Россия – это весь потенциал России, ориентированный на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона, то есть все те, кто идет сюда, например, Новолипецкий металлургический комбинат, Северсталь и так далее – это все Тихоокеанская Россия. Мы своим потенциалом, мягко говоря, здесь действительно незаметны. Я в этом отношении постоянно привожу одно и то же сравнение: представьте себе ряд национальных квартир одинаковой площади, в которых проживает население АТР. Речь в данном случае идет, конечно, о плотности населения. Так вот Дальний Восток в этой национальной квартире представлен одним человеком, Северо-Восток Китая – 179 жителями, Кореи с небольшой разницей – 230-240, Япония – 320. С этой точки

зрения, совершенно очевидно, как они смотрят на нас. Возьмите ночной снимок дальневосточного региона из космоса, и вы увидите, что на нем видны Токио, Пусан, Сеул, Пекин, а Владивосток не виден. С этой точки зрения совершенно очевидно, что здесь мы ни для кого не представляем интерес за исключением одного аспекта, который мы не ценим, - нашей территории. Дальний Восток – это сегодня две трети территории Китая, а население здесь с 8 миллионов в 1990 г. сократилось до 6,5 миллионов сегодня. Причем из 1,5 миллиона убывшего населения большая часть – военнослужащие и их семьи. С этой точки зрения, представляется серьезная угроза безопасности России на дальневосточных рубежах. На Россию у нас сегодня приходится 11 городов-миллионеров, в планах Китая построить вдоль российско-китайской границы на ее восточном участке 100 городов-миллионеров. Имеет смысл им нас завоевывать? Они планомерно и на долгие годы создают плацдарм, для проникновения на территории, с которых мы сами уходим. Если тенденция оттока населения не изменится, то на всем Дальнем Востоке останется 4-4,5 млн. человек, т.е. вместо 1, здесь останется 0,7-0,75 человека на 1 км². С точки зрения инфраструктуры, то, что сегодня делается в рамках подготовки к саммиту АТЭС-2012, – великолепно. Когда я первый раз в 2005 г. на заседании в Белом доме, куда приехала комиссия из Министерства экономического развития, тихонько заявил о том, что на освоение острова Русский потребуются для начала порядка 30-35 миллиардов рублей, вице-губернатор Костенко хватал меня за руку и говорил, чтобы я не пугал гостей. Сегодня речь идет о 300 миллиардах рублей, и это не предел. Чтобы понять, что нужно сделать, чтобы изменить ситуацию с миграцией только во Владивостоке, мы оценили качество человеческого капитала города, которое составило 1700 миллиардов рублей, и стоимость инфраструктуры, которая составила всего 2,4% от стоимости человеческого капитала. Например, в Москве этот показатель составляет около 9%, в Лондоне – 25%. Для того, чтобы нам поднять это значение до 8%, нам необходимо вложить сюда 1 трлн. 400 млрд. рублей. Можно сопоставить, какие суммы вкладываются сейчас с теми суммами, которые действительно необходимы. Только при таких инвестициях ситуацию можно серьезно

изменить. Но это даже не самое главное. Беда заключается в том, что мы сегодня теряем качество населения за счет того, что происходит серьезнейшее замещение выбывшей отсюда 1 единицы, с уровнем капитализации свыше 1000 единиц, на 1 единицу с уровнем капитализации 10-20. Я до недавнего времени полагал, что Владивосток может стать международным городом, в котором есть место и китайцам и корейцам, и японцам, но сами-то мы в социокультурном плане просто убываем. Это означает только одно – мы можем оказаться неспособны перевести в разряд территории все то, что связано с национальной безопасностью и с социокультурной идентичностью. Это все настораживает и является серьезной угрозой для нашего региона.

Ларин В.Л.: Юрий Алексеевич, сразу один вопрос. Откуда информация о 100 миллионниках в Китае?

Севастьянов С.В.: Да, слишком уж преувеличено.

Авдеев Ю.А.: Из интернета.

Ларин В.Л.: Нет такого, не надо вводить в заблуждение специалистов и людей.

Авдеев Ю.А.: Хорошо, со специалистами я не могу поспорить, но достаточно посмотреть на изменение населения в двух населенных пунктах Суйфэньхэ...

Ларин В.Л.: Умрет челночная торговля, и давайте посмотрим на динамику населения в Суйфэньхэ дальше.

Песцов С.К.: Виктор Лаврентьевич, вы говорили о том, что концепция, которая была опубликована, отражает компромисс. Между кем и кем?

Ларин В.Л.: Между разными точками зрения в правительстве.

Песцов С.К.: А у нас в элите разве существуют противоречия?

Ларин В.Л.: Конечно, и их много. Простейшее противоречие: одни говорят, что наш враг – Соединенные Штаты, другие говорят – Китай. И договориться они между собой не могут. Есть еще желающие высказаться. Если нет, я попробую подвести итоги.

Первый тезис. Нам никто не угрожает, кроме нас самих.

Второй тезис. Мы никому не нужны, если мы не будем «паковать» в этом мире.

Третий тезис. Бытует такое представление, особенно, у нашей властной элиты, что всем так нужны ресурсы, что они пойдут на все, чтобы обладать ими. В принципе, это обманчивое представление, так как все спокойно без наших ресурсов обходятся. И никто самое главное, воевать из-за них не собирается. Никто не угрожает национальной безопасности России из-за наших ресурсов.

Четвертый тезис. Те концепции и стратегии, которые мы сегодня обсуждаем, нацелены на консервацию нынешнего статуса Дальнего Востока и Тихоокеанской России. Юрий Алексеевич возразил против использования термина «Тихоокеанская Россия», но если мы будем говорить о Новолипецком комбинате и прочих структурах, то я бы не относил их к Тихоокеанской России, так как их основной интерес находится на западе, и налоги они платят на западе, а интересы их здесь крайне утилитарны – получить что-нибудь от этого региона и на этом закончить. Получается, что мы должны действовать по пословице «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Для этого мы здесь сегодня и собрались. Если мы не будем говорить о концепциях и стратегиях, то никто о них говорить не будет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ларин В.Л. Концепция национальной безопасности РФ: плюсы, минусы, проблемы и перспективы	1
Севастьянов С.В. Россия в концепциях национальной безопасности США	6
Кожевников В.В. Россия в концепциях безопасности Японии	14
Толстокулаков И.А. Россия в доктрине и стратегии национальной безопасности Республики Корея	19
Лапин М.А. Стратегия национальной безопасности Китая и место в ней России	28
Фокин Н.И. Экономическая безопасность в стратегии национальной безопасности России	36
Мишин В.Ю. Проблемы оборонной составляющей Тихоокеанской России в контексте стратегии национальной безопасности	45
Герасименко А.П. Место и роль информационной безопасности в стратегии национальной безопасности РФ	49
Сокращенная стенограмма дискуссии на «круглом столе»	54

Для заметок